

Алёна Медведева

Маски.
Иллюзия заблуждений

Фантастика • Любовный роман • Приключения

Встретила мужчину с другой планеты? Влюбилась? Такое бывает с одной на миллион. А что дальше? Конфетно-букетный период позади, пора снимать розовые очки и искать ответ на вопрос: есть ли у вас шанс на совместное будущее? И вот тут-то и начинаются непредвиденные сюрпризы.

Не сошлись Вселенными? Каково! Ерунда – освоимся!

В твоём прошлом кроется глобальная проблема? Мелочи жизни – изменим прошлое!

Родителями стать сумеете? Вот это задачка так задачка. Но и ее осилим!

А если вместе в этом мире быть все равно нельзя? Придется изменить мир! Когда любовь взаимна, на ее пути не устоят никакие преграды.

Алёна Медведева

Маски. Иллюзия заблуждений

© Медведева А. В., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Земная подводная база верлианцев

Трое мужчин, зависнув возле пластичной оболочки, внутри которой находилась погруженная в сон девушка, молчали, обдумывая предстоящий разговор. Необходимо было срочно решать, что с ней делать дальше.

– Надо ликвидировать, – все же решился нарушить паузу Торио. – Я не понимаю, почему это не было сделано сразу, как с тем землянином, вырвавшимся из купола.

Орино молча, но категорично качнул головой, отменяя предложение медика.

– Он не согласится, – тут же прозвучал голос Ньера. Он указал взглядом на Орино.

Ньер до сих пор пребывал в размышлениях о том, как ему должно поступить: сообщить о нарушении в Совет Высших или позволить другу и единомышленнику завершить задуманное? Сегодня события приняли самый невероятный оборот: Орино нарушил основополагающий принцип хранителя времени ради своей мести. Как поступил бы на его месте Ньер? Ответа он не знал, это и мешало определиться с окончательным решением. Идеальным выходом стала бы гибель девушки, в чем он и пытался убедить Орино.

– Тогда заблокировать память? – удрученно продолжил Торио, вопросительно взглядываясь в лица собеседников. И тут же сам усомнился в эффективности данной меры. – Но это не даст полной гарантии. Слишком глубокий пласт воспоминаний затронут. Что-то может всколыхнуть их, и она все вспомнит. И зачем такие усилия? Женщина больше не существует для современников. Ей не адаптироваться к реальности, реши мы вернуть ее.

– Нет, – наконец-то снизошел до ответа Орино. Задумчивый взгляд верлианца был прикован к лицу Регины, а голос прозвучал буднично. Он знал, что здесь его не послушают.

– Почему? – Торио не понимал причин такого, как ему казалось, необоснованного упрямства.

– Предел воздействия исчерпан, – с долей иронии вновь пояснил Ньер недоумевающему медику. – Орино слишком увлекся своими возможностями. Теперь любое вмешательство в ее память или прочие процессы сознания может привести к самым неожиданным последствиям, а может... и не привести. Но риск, что она превратится в лишенную разума особь, слишком велик. Я тоже за ликвидацию.

– Исключено. – Орино недовольно взмахнул ладонью.

Он сам пригласил собратьев, чтобы обсудить вопрос будущего Регины. Но теперь был раздражен их очевидным нежеланием считаться с его заинтересованностью в этой земной девушке. Оба собеседника упорно стремились избавиться от землянки, как от всего лишь досадной помехи.

– Это угроза срыва всего земного проекта, – пытался вразумить его Торио. – Ей теперь нет места среди своих, и тут держать ее до смерти в спячке мы тоже не можем. Земной женщине нет места в этом времени.

– Я смогу ее изолировать, – уверенно пообещал Орино. – В таком состоянии доставлю на свою базу, где она и будет находиться после пробуждения, укрытая от всех в специальном помещении, которое никогда не покинет. Вас это успокоит?

– Но она же будет все помнить! – не сдержал эмоций Торио. – К чему такие сложности?! Просто внушим ей умереть сейчас, и все.

– Она мне пока еще нужна, – устало ответил Орино. – И я могу гарантировать, что

угрозой для будущего девушка не станет. Я сам с ней разберусь впоследствии.

Ньер простонал, в отчаянии хлопнув ладонью по бедру.

– Ты одержим! Пора понять, что вся затея с возможным зачатием – неосуществима. Иначе это бы уже случилось! Сколько времени ты уже пытаешься?

На лице медика промелькнуло выражение брезгливости. Орино мгновенно подобрался и, окинув друга недовольным взглядом, пояснил:

– Есть обоснованные причины неудач, теперь мне это известно. Регина использовала земной способ предотвращения зачатия.

У его собеседников удивленно вытянулись лица – на Верлинее подобный контроль рождаемости не практиковался, хватало и естественного отбора.

– Кстати, Торио, мне необходимо вывести это вещество из ее организма. Оно имеет гормональную основу и действенно на протяжении года.

Медик задумчиво качнул хвостовым плавником и перевел взгляд на капсулу.

– Мне потребуется пара часов, чтобы идентифицировать гормон. А потом я смогу предложить состав раствора для его разрушения и вывести продукты распада.

И тут же, после небольшой заминки, предложил, бросив вопросительный взгляд на Орино:

– Если земная женщина нужна как носитель репродуктивного материала, то можно быстро извлечь его и провести искусственное оплодотворе...

– Хочу напомнить, – резко вмешался в разговор Ньер, – что уже был один такой экспериментатор, проводивший опыты по скрещиванию с землянами. И все мы в курсе их последствий. Не стоит повторять ошибок. Регину надо ликвидировать – и всем проблемам конец. А ты, – Ньер хлопнул Орино по плечу, – успокойся и со временем поймешь, что это был наилучший выход. Из-за этой землянки ты совершаешь слишком серьезные ошибки.

В последней фразе прозвучал очевидный намек: есть кому сообщить о факте вмешательства в прошлое.

– А как бы ты рассуждал, если бы твои нъехи активировались? – рыкнул Орино, пронзив друга острым взглядом. – Смог бы отказаться от возможности получить потомка... сейчас? На высшей ступени! Смог?!

Ньер невольно вздрогнул.

– Возможно, я не способен понять тебя. Это слишком невероятно – даже мысленно оказаться на твоем месте. Но Къело? Она почти справилась с трансформацией. Скоро она будет рядом и сможет избавить тебя от одиночества. Пройдет твоя одержимость иметь наследника.

Орино вздохнул и, не обращая внимания на медика, с любопытством прислушивавшегося к разговору, продолжил:

– Я знаю, чего хочу, и уверен, что получу желаемое! Риск минимален. Къело тут не поможет. Прошлый эксперимент со скрещиванием не предполагал участия высшего верлианца. Тиравиас взял за основу локусы генов истинных верлианцев, с их помощью пытаясь перестроить ДНК землян. Думаю, в этом его ошибка. Он стремился создать землян подобными нам – высшим. Полагал, что это приведет к раскрытию большего потенциала их сознания. Ускорит их естественное развитие и наше сближение.

– Не опускайся до таких сравнений! – запротестовал Ньер, прерывая Орино. – Земляне – ущербный по своей природе вид. Они неудачный эксперимент, ошибка. Существуют, по сути, вопреки всему. И это твое странное желание, твоя цель – ребенок, рожденный земной

женщиной... *Земной* женщиной, вдумайся! Это противоестественно.

– Это не будет носить массовый характер. Мне достаточно одного детеныша, – быстро возразил Орино. – Мы не можем судить о том, чего никогда не было. Что, если в идее Тиравиаса есть смысл? Слюна девушки содержала тот же фермент, что у наших женщин. И так уж вышло, что именно землянка пробудила мои нъехи, запустив жажду размножения. Я не упущу этот шанс. Девушка нужна мне – и она будет жить.

Торио, чьи глаза к концу этой речи были уже широко распахнуты, с ноткой исследовательского восторга в голосе заметил:

– Было бы интересно попробовать. Искусственное оплодотворение – и мы получим ответ на вопрос: возможно ли это. Сделаем?

Орино задумчиво молчал, снова переводя взгляд на капсулу с девушкой. Пауза затянулась...

– Наверное, надо попробовать, – наконец согласился он с Торио, – но меня терзают опасения. Земляне – странно эмоциональная и внушаемая раса. Они и близко не подошли к осознанию огромного, но еще неиспользованного потенциала собственного разума. Они не понимают, что силой сознания можно направлять любые процессы своего организма, менять и перестраивать его как угодно. Да что там – даже моделировать заново собственные ДНК и тем самым совершенствоваться.

Торио кивнул:

– Да, это общеизвестно. Здесь и кроется главная проблема этой цивилизации – земляне, освоив всего лишь десять процентов мозга, застряли на этом и не желают двигаться дальше.

– Почему-то мне казалось, что вот именно в состоянии их «идеальных условий» зачатие станет реально осуществимым. Естественным! Что сознание мобилизует процессы организма, а это повлияет на положительный исход дела.

На миг верлианец прикрыл глаза, скрывая разочарование от несбывшихся надежд, а потом продолжил:

– Не уверен, что попытка искусственного оплодотворения даст положительный результат. Яйцеклетки, даже удаленно, тоже подчинены импульсам разума землянки.

– Надо проверить! – с профессиональным азартом вновь закивал головой Торио.

Девушка уже не воспринималась им как угроза. Теперь он видел в ней ценный материал для интереснейшего исследования.

Ньер с деланным безразличием пожал плечами, явно давая понять, что считает идею провальной, а Орино вновь погрузился в молчаливые размышления.

– Попробуем! – в итоге спустя некоторое время решительно заявил он. – Пока подчищаем тут следы инцидента, время есть и... возможность.

– Подчищать немного, – успокоил Ньер, – я почти со всем справился. Регины Соловьевой нет. Для близких и знакомых она погибла в результате транспортной аварии. Автоматика аэрокара не сработала, это и предопределило трагедию. В Службу времени из отпуска она не вернулась. Осталось еще кое-что в окружении этого молодого земного ученого доработать, и все – дело будет закрыто.

Орино благодарно кивнул:

– Удачно, что ты как раз в это время прилетел инспектировать наши базы на Земле. Я бы не справился так оперативно в одиночку...

– Ты сам на себя не похож с того момента, как встретил эту месту. И мне действительно сложно представить твое состояние. Но до истечения оговоренного нами срока осталось

мало времени, потом ее надо или показывать Совету или ликвидировать.

Ответом Орино стало все то же привычное молчание.

Спустя две недели

– Вынужден констатировать неудачу, – сделал вывод Торио. В его голосе звучала нескрываемая горечь. – В искусственной среде зачатие не происходит.

– Понял вас, – спокойно ответил Орино.

Он заранее знал, что так будет. И согласился на эксперимент, только чтобы воспрепятствовать уничтожению Реги.

Часть первая
Клетка

Регина

Очнулась резко. Распахнув глаза, сразу вскочила на ноги. Сердце билось в панике.

Кошмар. Ужас. Орино – безжалостный монстр, холодное, бессердечное существо. Он... он совсем не тот, каким я его себе представляла!

Оглянувшись вокруг, испугалась: где я? Без одежды, в странном округлом помещении без видимых дверей. Похоже на комнату – большая кровать в центре, верлианское текучее зеркало на стене. Верлианское! Где же я?

Денис... Воспоминания ошпарили пережитым жутким страхом. Он умер! Умер, пытаюсь защитить меня, пытаюсь помочь нам всем... людям. И это я стала причиной его гибели!

Земля... Я же видела, что происходит за пределами купола! Видела все. Верлианцы! Что они делают с нами? Зачем?!

И Орино... Даже думать о нем было страшно. Как он рассвирепел!

Сейчас, судорожно мечась между стискивающими мысли и душу стенами своей ловушки в тщетной попытке найти выход, я гнала от себя мысли о нем. Как теперь воспринимать все? Как относиться к нему?

В памяти творилось нечто невообразимое – непонятная мешанина из разрозненных эпизодов, порой взаимоисключающих друг друга. Так наравне с жутким падением Дениса мне виделось и мое. Мой страх, фигуры верлианцев, замерших на краю земного купола, перекошенное лицо Орино. Я точно помню? Или это фантазии парализованного ужасом сознания?

Проснувшийся инстинкт самосохранения отодвинул все существовавшие до сих пор чувства на второй план. Можно ли продолжать любить мужчину, если внезапно понимаешь, что он... сумасшедший, что он опасен, что он – угроза? Сейчас важнее казалось спастись самой, спасти других... Хотя бы в память о Денисе, который так хотел, но не успел сделать это!

Зачем я нужна верлианцу?

Мысль не успела развиваться, поскольку неожиданно позади раздвинулась стена и в клетку шагнул мой кошмар во плоти – Орино. Я судорожно натянула на себя покрывало в инстинктивной попытке отгородиться от него. На верлианце был небрежно накинутый халат, и вообще выглядел он так, словно только что проснулся – немного взъерошенный и слегка помятый. Такой любимый, родной – меня на миг обдало привычной теплой волной. И тут же перед глазами встало его перекошенное от ярости лицо. Как он кричал на меня, узнав про то, что я использовала контрацептив! Он готов был задушить меня...

– Регина, не бойся, – привычным смешливым тоном попросил он, шагнув ближе.

Я шарахнулась к стене. Нет, он точно ненормальный. Он – чудовище.

– Зачем... зачем я тебе? – с трудом просипела непослушным от страха и пережитых воспоминаний голосом.

Верлианец на мгновение замер, но тут же спокойно опустил руки на завязки халата и, дернув за слабый узел, стянул его, обнажая голубокожее тело. Когда-то, поверив в то, что у наших отношений есть будущее, я совершенно забыла об опасности, находясь рядом с ним. А ведь он очень опасен и гораздо сильнее меня! Судорожно выдохнув, я снова оглянулась вокруг в поисках пути к спасению. Увы! Все те же непреодолимые стены вокруг.

– Возвращайся в кровать. – Это было сказано спокойным и суровым тоном. А какой решительный и жесткий взгляд!

Убийца. Чудовище. Сумасшедший! Сто раз – да!

Я судорожно затрясла головой, с замирающим сердцем наблюдая, как он шаг за шагом приближается ко мне.

– Не подходи! Пожалуйста! Пожалуйста...

– Регина, перестань бояться. Ложись в кровать, не стоит так нервничать, – продолжал увещевать Орино, останавливаясь в шаге от меня.

И все это с таким привычным, таким домашним выражением лица, словно не было всего этого кошмара, будто это не он, а я... не в себе.

– З-зачем я тут? – выдавила, заикаясь от страха.

Орино вздохнул и серьезно ответил:

– Теперь ты будешь тут жить.

– Тут? Где это тут?

– Где – не важно. В этой комнате, – прозвучал спокойный ответ.

Однозначно – психопат!

Орино, слегка прищурив свои невероятные неземные глаза, пробежался по моему лицу быстрым взглядом и уверенно забрал из моих рук покрывало, которым я пыталась от него укрыться.

– Регина, наш договор немного меняется.

Я сглотнула, неужели он все еще думает... Мой мир разбился вдребезги, а Орино ведет себя так, вроде ничего не произошло.

– Ты все еще считаешь меня... – Я попыталась ухватиться за соломинку в надежде достучаться до него прежнего.

– Нет, – прервал он меня решительно. – Пообщавшись с твоей мамой и друзьями (я судорожно сглотнула, к каким последствиям привело это общение!), я понял, что про нашу первую встречу в Казани ты говорила правду. Но для меня это ничего не меняет. Ваши представления о морали мне малоинтересны. Я использовал их, когда они служили моим целям. Но речь не об этом. Я хочу озвучить новые условия нашего договора. Отныне ты не работаешь историком, не существуешь для близких и друзей, ты просто будешь жить здесь.

«В логове маньяка», – подумала я.

От страха мой голос превратился в писк.

– Зачем?

– Чтобы быть рядом!

И в этот момент я наконец прозрела. Его ярость, ее причина, его постоянное желание близости. Пазл из десятков жизненных эпизодов и оговорок сложился у меня в голове.

– Ты сумасшедший! Когда ты говорил о желании иметь ребенка, это было всерьез, да?!

Взгляд Орино наливался тяжестью, когда я уже просто кричала:

– Все это – и дурацкий договор, и любовная связь, и твое притворство в попытке стать парой – все только ради того, чтобы я забеременела?!

Я с изумлением всматривалась в его лицо, забыв даже об ужасе, только что владевшем мной. Господи, как же мне больно!

– Но ведь я сама бы согласилась... со временем.

Однако, заглянув в его бесстрастные глаза, я поняла: меня-то в планы как раз не включали. И ждать – не собирались. Ему нужен был только ребенок. Не я.

– Почему именно меня – на роль матери?! – уже не проговорила, а скорее простонала я.

– Так было надо, – спокойно и убивающе откровенно ответил Орино.

Я почувствовала, что его руки вновь опустились мне на плечи.

– Ты сейчас прикажешь мне забыть об этом? – в отчаянии прошептала я.

– А ты бы предпочла помнить?

Помнить... Жить с этой новой правдой? Или забыть все, вернувшись в существование беззаботно счастливой «возлюбленной» верлианца? Но если я все забуду, я уже не спасусь.

– Оставь мне память, – внутренне подобравшись, ответила я.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Орино, и эта его податливость снова парализовала душу ужасом.

Да стоит ли вообще жить дальше? Знать, что я не существую для собственной матери. Бедная мама! Потеря отца была для нее горем, а сейчас оно удвоилось. Для этих холодных и бездушных верлианцев наши чувства, судьбы и души не имеют никакого значения.

– Мы настолько незначительны, что не достойны даже малейшего сочувствия с вашей стороны? Мы – расходный материал? За что вы мучаете землян?

Видимо, мой инстинкт самосохранения подсказал мне правильный выход – сменить тему разговора. Потому что руки с моих плеч он убрал и застыл рядом с немного удивленным видом. Потом вздохнул и сказал:

– Регина, ты неверно судишь обо всем. В том числе и о том, что происходит за пределами купола. Мне жаль, что ты это видела.

Не сдерживаясь, я злобно, прямо-таки со свистом зашипела:

– Вы оккупанты! Вы захватили наш мир! А нас... нас вы, как животных, заперли в этих клетках без права знать, понимать, самим принимать решения! Это наша планета, а мы существуем на ней на правах одомашненных питомцев для вашего нездорового любопытства, для какой-то селекции!

Вся моя ненависть, вся боль – за маму, за Дениса, за всех землян – вырвалась наружу вместе с этими отчаянными словами.

– Успокойся! Не тебе судить о том, о чем ты понятия не имеешь. И какая еще селекция? Что за чушь?!

Холодный окрик Орино и страшное выражение его лица мгновенно напомнили мне тот миг, когда он расправился с Денисом, вырвав меня из его рук, а тот потерял равновесие и упал со стены купола.

– А к-как, – заикаясь и трясаясь от страха, выдавила я, – каким же еще словом можно назвать твои намерения в отношении меня?

– Заботой.

От возмущения я даже подскочила. Издевается!

– Благодарить меня должна. Из-за этого одиозного землянина тебя бы уже в живых не было. А ты не только не ценишь мою помощь, но еще и уподобляешься ему, бездумно набрасываясь на того, кто заведомо сильнее тебя, – жестко пояснил Орино и кивком головы указал мне на кровать. – Прекрати разговоры и ложись, я устал. Эксперимент с перемещением в прошлое вошел в активную фазу, и на отдых времени все меньше.

От этой прямолинейности меня передернуло, и я в отчаянии уцепилась за возможность оттянуть неизбежное, продолжив разговор.

– Значит, мы на станции Службы времени? Да?

Он недовольно кивнул.

– Но... но ты же говорил, что в прошлое отправят меня. Никто другой так не подготовлен...

– Нет, – мрачно возразил Орино, вновь обхватывая ладонью мое плечо и подталкивая в нужном ему направлении. – Я никогда не намерен был этого делать. Терять столько времени, отпуская тебя туда, рисковать тобой. Еще накануне нашего отлета на Землю Кузьмин получил мое распоряжение о назначении твоей коллеги для выполнения этой миссии.

В шоке я застыла на месте вопреки даже понукающему движению вперед. Мы столько говорили об этом там... дома... на Земле. Я рассказывала ему о своих мечтах, переживаниях, делилась восторгом от предвкушения незабываемого опыта. А он поддерживал, отвечал на вопросы, пояснял. И все это время знал, что для операции в прошлом уже назначен другой историк. Ни разу не дал мне ни в чем усомниться, только подтверждал и ободрял – и все лишь затем, чтоб я вела себя послушно?

– Ты... Ты – самое гнусное существо, которое я встречала в жизни! Будь проклят тот день, когда я поехала в Казань!

Орино несколько секунд пристально вглядывался в выражение моего лица, а потом неожиданно одобрительно улыбнулся:

– Прекрасно! Чем хуже ты будешь ко мне относиться, тем проще мне будет.

Решительным толчком в плечо он заставил меня, и так едва держащуюся на ногах, неловко плюхнуться на кровать.

– Ничего не будет у нас, понятно? Терять мне уже нечего! Я не буду все это терпеть, даже не мечтай!

Мой злой вопль, однако, совершенно не впечатлил Орино, и он, забравшись на кровать с другой стороны и игнорируя мое упорное сопротивление, притянул меня ближе к себе и навис сверху.

– Или ты сейчас замолкаешь и не мешаешь мне спать, или получишь именно то, о чем сама, похоже, мечтаешь.

Потрясенно обмякнув, я замолчала, вглядываясь в его бесстрастное лицо. Типичная верлианская маска. Как его поймешь? Намеренно испытывает мою нервную систему на прочность? Внезапно прошел весь страх. Осознание противоестественности ситуации выдавило его из моей головы.

В какие-то доли секунды в ней промелькнули картинки начала крушения моей прежней жизни. Вот Денис, стремясь спровоцировать верлианцев, притягивает меня к самому краю опорной балки. Я смотрю вниз с огромной высоты и понимаю, что неминуемо разобьюсь о бетонное основание, стоит лишь сделать маленький шаг. Мое тело, утратив опору, проваливается в бездну. Но разве можно помнить то, чего не было? И сам Орино. Его абсолютное преображение, его жестокость. Как можно, узнав его истинное лицо, взять и спокойно заснуть с ним рядом? Почему он сохранил мне разоблачающие его воспоминания? Зачем сообщил о своих целях так откровенно?

Я словно оцепенела от всех этих мыслей, прекратив всякое сопротивление. А он, кажется, удовлетворенный этим, еще некоторое время всматривался в мои глаза, а потом, прежде чем отодвинуться, устраиваясь поудобнее на кровати, спокойно предупредил:

– Рискнешь встать – получишь по заслугам!

И, прикрыв глаза, он почти сразу уснул.

Я не рискнула. Какой в этом смысл? Как выбраться из этого помещения, я пока не представляю. А усугублять и так практически неразрешимую ситуацию не хочу. И надо

обдумать все, что сообщил Орино. О том, чтобы заснуть, мне теперь и мечтать не стоит. А вот понять, чего он желает от меня добиться, — необходимо.

Регина

Дыхание сбилось, сердце, кажется, замерло на бесконечно долгий и вместе с тем неопишимо краткий миг... миг вечности... миг перед смертью. Я ни о чем не думала в эти секунды, не вспоминала свою жизнь, не удивлялась поступку Дениса, больше не злилась на верлианцев, не молилась о чуде. Наступила абсолютная пустота в скованном от ужаса сознании.

Сейчас я умру!

В ушах свистит ветер, тело неумолимо и стремительно, рассекая воздух, несется вниз. Собственно, удар я даже не ощутила, не осознала, не успела. И боли как таковой – тоже. До такой степени стремительно все произошло. Падение резко оборвалось, и мгновенно наступила вечная темнота.

С резким удушающим хрипом я вскочила, судорожно ощупывая себя руками, сжимая горло в попытке заставить вдохнуть хоть глоток воздуха. Сердце зашло в запредельном ритме. Меня колотило в приступе панической дрожи, холодный пот струился по спине. В этот момент я не понимала – жива ли, так как не чувствовала собственного тела.

Что это?! Я же не умерла? Ведь нет?

– Регина!!!

До моего парализованного животным страхом сознания добрался взволнованный голос, а тело ощутило резкий рывок чьих-то сильных рук.

Орино... Я, не задумываясь, инстинктивно жмусь к нему, желая спастись теплом его тела от холода смерти. В голове только дикий ужас. Это невыносимо – заново переживать собственную гибель. Ничего, кроме этого, я в данный момент не осознаю, не понимаю – где нахожусь, кто рядом со мной. Орино... Моя единственная опора в круговерти страшных воспоминаний, и я убегаю от дикого страха в его спасительные объятия.

– Я ум-м-мерла! – сквозь накатившие рыдания с трудом выговорила я, поднимая свое лицо навстречу его взгляду.

Орино напряженно всматривался в мое лицо, словно ища в нем что-то, понятное только ему. Потом вздохнул тяжело, обреченно.

– Это сон, просто страшный сон, – с напором и даже каким-то ожесточением принялся убеждать он. Сжал мои плечи и, словно заклиная, прошептал: – Ты жива. Все пройдет... со временем.

– Ты обещаешь? – недоверчиво, боясь отвести взгляд и снова провалиться в пережитый кошмар, невнятно прошептала я.

– Да. – Орино осторожно погладил меня по волосам. – Это пройдет. Спи! Не бойся.

Распахнув глаза, я первым делом тревожно посмотрела на другую половину верлианской тягучей кровати – туда, где спал Орино. Его нет. Облегчение испытала невероятное! Даже сон не избавил от страха и не притупил чувство опасности. Инстинкт самосохранения требовал каких-то спасительных действий, но я... Пока все произошедшее элементарно не укладывалось в голове. Да наяву ли случилось все это со мной? Может быть, проснусь и пойму, что это глупый кошмар, а мы с Орино вдвоем на Земле и...

Мысль о Земле как-то сразу отрезвила. Что-то нужно делать. Но что? И как? Ведь я

нахожусь в странном закрытом помещении без возможности вырваться наружу. Орино кардинально сменил линию поведения. Стал вызывающе откровенным. Или просто стремится казаться таким? Провоцирует меня на что-то, делая отталкивающие заявления? Или я утешаю себя иллюзиями, и для него давно не имеют значения ни мои поступки, ни мое к нему отношение?

Надежда и невыразимое отчаяние боролись в душе. С одной стороны, хотелось просто лечь, закрыть глаза и умереть. После всего, что я увидела на Земле, поняла безразличие того, кого по-настоящему полюбила, как фактически потеряла все – маму, прошлое, настоящее, надежду на будущее и саму себя. Меня больше нет. Ни для кого, кроме Орино, меня не существует – он дал мне понять это. Стоит ли бороться за это существование, которое отныне уготовано мне? Может, лучше, как в том страшном и таком реалистичном сне? Возможно, это сон в руку?

Но тут же в душе поднялась волна ненависти к Орино. Оказалось, что до нее от любви так близко! И жить хотелось уже хотя бы для того, чтобы смешать ему все планы, не позволить торжествовать. Но что я могу сделать? И главное – как разобраться в таком противоречивом и невероятно опасном верлианце?

Негромкий мелодичный звук заставил вздрогнуть и отвлечься от тяжелых мыслей. Прислушавшись, я перевела взгляд на верлианское зеркало, которое, разгладившись, отобразило сосредоточенное лицо Орино. Легок на помине! Он был в своем кабинете, действительно на станции Службы времени. Хоть это правда.

Застыв под его пристальным взглядом, я дышала уже через раз. Он невозмутимо молчал, всматриваясь в мои глаза. Повисла пауза. Чувствуя, что еще немного и мое правое веко задергается, выдавая нервное напряжение, я терпеливо ждала чего угодно, но только не того, что услышала:

– Реши для себя, на что ты готова пойти ради возможности оказаться на свободе и прожить жизнь так, как захочешь!

Я опешила от этого вопроса, чувствуя, как непроизвольно широко распахнулись глаза.

– В моих силах отправить тебя в прошлое Земли. В то прошлое, когда ваша цивилизация обитала вне куполов. Там ты не будешь опасна для верлианцев, и если начнешь говорить о нас, никто тебе не поверит. Подумай!

Хищно улыбнувшись, Орино с наигранной нежностью продолжил, кардинально меняя тему:

– Появится желание поесть или помыться, коснись ладонью поверхности этого зеркала и вслух обозначь потребность. Я буду к вечеру...

Одарив напоследок холодным и жестким взглядом, он исчез, размытый пробежавшей по поверхности верлианского устройства рябью.

– Ненавижу! – громко прошипела я, в отчаянии и бессильном возмущении сжимая кулаки.

Зеркало мгновенно разгладилось, вновь явив мне голубокожее лицо Орино.

– Я все вижу и слышу. Ты находишься под постоянным контролем, – ехидно сообщил мне мой надсмотрщик и вновь пропал.

А я так и смотрела на мутную подвижную поверхность, пытаюсь соотнести услышанное со своими намерениями. Он собирается торговаться со мной. Вот что означает изменение условий нашего договора. Хотя о чем я? Просто принудит с помощью шантажа. А я... Получается, мне есть еще что терять? Пожалуй, через пару-тройку лет в этой сфере я

соглашусь на все ради свободы.

С тяжелым вздохом я встала с кровати. Беда бедой, но я еще жива, и в туалет хотелось по расписанию. И вообще надо уже что-то решить до наступления неминуемого, обещанного моим, так сказать, «повелителем». Следуя указанию Орино, я осторожно прикоснулась к текучей поверхности верлианского зеркала.

– Регина?

Немедленно прозвучал голос невидимого Орино.

– Мыться и есть хочу, – нейтральным тоном, отчаянно скрывая злость, произнесла я. Надо вживаться в роль подопытной человечки. Хотя бы внешне.

Тут же в стене рядом образовался прямоугольный проход, заглянув в который я обнаружила купальню. А из стены рядом с кроватью выдвинулся небольшой круглый стол, на котором находилась герметично укрытая еда. Решив, что и без благодарности он обойдется, я не спеша отправилась мыться. Сначала приведу себя в порядок, а потом поем.

Спешить некуда – теперь это основной закон моей жизни. Определенно, такого унижительного существования я долго не выдержу. Так он меня быстро продавит на все необходимые ему решения.

Я на треть наполнила верлианскую гладкую впадину водой. Обессиленно сев на дно, принялась смотреть на неприятно обволакивающую тело жидкость. Вода. Как много ее, оказывается, на Земле. Нет! Нельзя сейчас думать об этом. Если хочу выжить, как-то вырваться из этого плена, надо блокировать мысли о прошлом и зубами вцепиться в настоящее. Можно сделать вид, что смирилась, и ждать подходящего момента, чтобы спастись. Не только Орино способен носить маску! А куда я отсюда денусь? Я просто не представляю, каким способом отсюда можно сбежать.

Прижавшись к бортику, я тихо плакала, вспоминая полет на Верлинею, заботу, которую проявлял Орино во время моей болезни, его внимание в период совместного отдыха. А наши ночи! На душе стало невыразимо горько. Насколько же я заблуждалась, не осознавая, что под этой личиной скрывается монстр, влекомый ко мне с единственной целью. Верлианское помешательство на детях наверняка имеет какой-то смысл. Но мне не легче от мысли, что я живу лишь для того, чтобы осуществить сумасшедшее желание этого инопланетянина – стать матерью его ребенка.

Может быть, я не первая? И верлианцы похищали с этой целью и других земных женщин? Что, если есть и дети, рожденные в таких связях? Какие они и зачем они верлианцам?

Даже думать об этом было страшно. Пока же нужно было учиться – ждать, терпеть, разбираться. Надеяться, в конце концов.

Сколько времени я проплакала, не знаю. Сидела, погружившись в размышления, пока не замерзла в остывшей воде. А когда вылезла, так и не помывшись, поклялась себе: чего бы ни добивался от меня Орино, он ничего не получит. Терять мне уже нечего, я справлюсь с любым давлением. Я выдержу все.

До его прихода я пребывала в состоянии смиренного ожидания: немного поела, бродила из спальни в купальню и обратно (проход не закрылся, как я опасалась), лежала на кровати, бесцельно уставившись в потолок.

Орино возник неожиданно, застыл на месте, всматриваясь в мое лицо невозмутимым взглядом. А я даже не перевела на него взгляд, продолжая пялиться вверх. Оказалось, что на фоне абсолютной безнадежности и беспросветного одиночества появление психопата не

вызвало у меня никаких эмоций.

– Регина, – до Орино, видимо, что-то дошло, – не стоит предаваться отчаянию. Повторяю, у тебя есть шанс покинуть это место и даже оказаться в тех условиях, которые для любого землянина сейчас являются недостижимыми.

Хотелось в ответ возразить, что не такие уж они недостижимые, как оказалось. Всего-то и надо – выйти за пределы любого городского купола. Но я промолчала. К чему сейчас спорить об этом? Выждав немного и так и не дождавшись от меня никакой реакции (я ничего нового для себя не услышала, все эти возможные варианты не впечатляли, зато заоблачная цена – очень!), Орино приблизился и жестко продолжил:

– По большому счету мне и согласие твое не нужно, смогу и без него обойтись. Просто хотел отблагодарить тебя таким образом.

«Ну спасибо! Снести бы еще и эту благодарность...» – подумала и снова промолчала, по-прежнему всматриваясь в потолок. Депрессия усиливалась с каждым его словом.

– Если ты полагаешь, что тебе будет сложно смириться с прошлым, чтобы продолжить жить в другом времени, то гарантирую – такой проблемы перед тобой не возникнет. Все воспоминания будут стерты. Ты просто начнешь жизнь заново.

Ага! Одна, в неизвестном месте и в возрасте тридцати с лишним лет. Как заманчиво! Такие пряники... Когда же в ход пойдет кнут?

Орино, присев на край кровати, рывком притянул меня ближе и, склонившись так, чтобы перекрыть мне всякий обзор, уставился в глаза ледяным взглядом своих неземных глаз. Не сопротивляясь, пассивно продолжая лежать, я прикрыла веки.

Мне безразлично! Это не было бравадой, я действительно так сейчас чувствовала. Нельзя долго находиться в состоянии эмоционального перегрева, в какой-то момент обязательно перегоришь.

– Вставай!

Он резко отстранился и вновь потянул меня за руку, вынуждая подняться.

Продолжая придерживать рукой укрывающую меня простыню, я застыла рядом с кроватью, безразлично уставившись на противоположную стену. Орино отступил, кажется, направившись к зеркалу. Внезапно в стене, на которую я смотрела, возник еще один проем. Он подтолкнул меня к нему. Я сделала шаг, другой и потрясенно остановилась, оказавшись в новом помещении.

Верлианская лаборатория. Множество отсеков, на стене какие-то устройства явно научно-медицинского характера, странные водяные пузыри разных объемов, висющие прямо в воздухе, более привычные моему пониманию пробирки, инструменты и техника в углу. Язык мгновенно отнялся от ужаса.

– У меня есть теория, – позволив мне в полной мере осмотреть эту «камеру пыток», выдержанно сообщил Орино, – что зачатие не происходит из-за несоответствия внутренней среды твоей системы размножения и моей. Чего-то недостает. Именно этот неизвестный фактор препятствует осуществлению зачатия. Но я выясню причину, я буду пытаться вновь и вновь.

– Это просто невозможно. – Слова Орино не оставили меня равнодушной, подарив внезапную надежду. Только бы еще объяснить ему все... – Ты помешался на этой идее, но по факту мы – представители разных видов. У нас просто не может появиться общее потомство. Когда ты наконец поймешь, что я не способна стать матерью твоего ребенка?

Орино поморщился и с удивившим меня снисхождением ответил медленно, словно

решая в голове сложную задачу:

– Ошибаешься ты. И, к сожалению, не способна осознать это. Как и все вы, люди. Вы навязали себе нелепые ограничения, установили потолок – ваши законы. Вы не развиваетесь, остановились в прогрессе и топчетесь на одном месте. Более того – вы деградируете. Если бы вы учились познавать себя, слышать мир вокруг, то знали бы: все мы, в сущности, одно и то же – материя и энергия. И форма не имеет значения, важна лишь суть. Нет понятия «вид», это вы установили себе границы дозволенного. На самом же деле, объединившись, мы способны породить нечто новое. Новую жизнь, в основе которой все та же общая материя, облеченная в привычную моему сознанию форму. Но процессом зарождения должно управлять желание обоих, в одиночку я не справляюсь.

– Что за абсурд? – Злость снова возвращалась ко мне. – Это высшая генная инженерия? Силой разума управлять процессом зачатия, заодно комплектуя новый организм конкретным набором генов? Программировать пол, степень развития, возможности? Ты в попытках убеждения дошел до таких смехотворных сказок? И не смей говорить мне, что вы и мы – одно и то же. Никогда ты не убедишь меня в этом! В вас вообще нет ничего человеческого. Живого! Вы – холодные и бесчувственные тритоны!

Орино глубоко вздохнул с видом существа, взявшегося за непосильное дело.

– Опять ты сводишь все к форме. Внешняя оболочка – это иллюзия, маска, которую можно трансформировать по желанию. А эмоции вообще напрасная трата энергии. Впрочем, винить тебя нельзя, ты – плод своей цивилизации. Я пытался низвести все до понятного тебе уровня, решил, что, пребывая в комфортном эмоциональном состоянии, ты позволишь своему сознанию переориентироваться на нужный мне процесс. И пусть неосознанно, но оно начнет стимулировать зачатие. Однако постоянно чего-то недоставало, тебя не покидало внутреннее напряжение. А при стрессе организм не настроен на размножение. Иначе ты бы рассказала мне о веществе, препятствующем зачатию. Сама стремилась бы избавиться от него.

– Это ты о любви?! – Я ушам своим не верила. Что для меня было невероятным чувством, для Орино – лишь подходящим для его цели эмоциональным состоянием. – Естественно, недоставало! Как ни пытался ты меня обмануть, в глубине души я чувствовала, знала, что твое отношение лицемерно.

– Я очень старался!

Орино потряс меня этим признанием. Прозвучало это так, словно он действовал мне во благо. А я еще и недовольна!

– Заставлял себя мыслить на вашем уровне, в какой-то мере стать человеком. Провел почти год рядом с тобой, надев маску одного из вас.

– Фу! – перебила я, морщась от отвращения. – Ты – человеком?!

Кажется, я его задела. Нахмурившись, Орино отступил на пару шагов и вдруг стал меняться. Прямо на глазах! Видоизменялись очертания фигуры, черты лица, цвет кожи. Дышать мне стало трудно – это спазм сдавил грудь. Спустя несколько минут напротив меня стоял... человек. Мужчина, более высокий и крепкий, чем большинство землян, но с безэмоциональным взглядом Орино.

Пытаясь сделать вдох, я снова и снова беззвучно открывала рот, медленно оседая на пол. Происходящее стало пределом – мой мозг отказывался воспринимать увиденное.

– Так понятнее?

Перехватив меня рукой, этот «человек» склонился, нависнув сверху.

– Сознание, в основе которого лежит энергия, управляет материей. Можно как угодно видоизменять свое тело. Стать зверем, если его масса примерно соответствует твоей. Да кем угодно. Внешне высшие верлианцы и люди очень похожи, поэтому трансформация такая быстрая. При более радикальных изменениях, как у нас при смене ступени, требуется больше времени и процесс болезненнее. Но это тоже возможно, если на то есть личная воля. Вы просто не способны осознать и принять это знание о мире. Вы переполнены иллюзиями и заблуждениями. На самом деле все очень просто.

Не с моей точки зрения! Глядя на Орино, я силилась понять – не сон ли это. Что, если я все же погибла? И нахожусь сейчас в каком-то невероятном мире, где возможны такие чудеса? Рука неосознанно устремилась вверх, коснувшись щеки Орино. Я желала удостовериться в его реальности, почувствовать.

– Как же просто!

Глаза человека, в которого превратился Орино, распахнулись.

– Так вот он – ответ! Все так элементарно, а мне и в голову не приходило. Мы же не привыкли придавать значение оболочке... Ну скажи же!

Чуть повернув голову, он уткнулся в мою ладонь носом и шумно выдохнул.

Так по-человечески, так естественно! Застигнутая врасплох этой мыслью, я как ошпаренная отдернула руку.

– Скажи, явись я к тебе человеком, все было бы иначе? Ты заведомо верила бы мне, сама искала бы оправдания моим недостаткам, любила бы вопреки всему? И, вероятнее всего, была бы сейчас беременна...

Орино выглядел расстроенным. Сжав ладонями голову в таком узнаваемом и понятном мне – ну просто человеческом! – жесте, он присел на пол рядом. Мы оба забыли о месте, где находились, и о цели, что привела нас сюда. Обоим только что стало ясно все. Стали понятны все наши ошибки.

– Да... – Мой ответ прозвучал жалко.

Я не могла еще принять того, что мне открылось, но спорить с очевидным бессмысленно: люди во всем исходят из поверхностных суждений. Мы существуем в мире иллюзий. Внутреннюю суть придумываем себе сами, дорисовываем ее и для окружающего мира. Встреть я его таким, как он выглядел сейчас, легко покорила бы его обаянию и силе. А значит...

– Что будет теперь? – Мой собственный голос звучал устало и обреченно. – Ты блокируешь все воспоминания о нашей встрече и познакомишься со мной вновь? Как... человек?

Я достаточно узнала Орино, чтобы понимать – он не отступит. А теперь верлианец знает верный способ добиться своего. И я бессильна помешать ему.

Орино, как мне показалось, нервно усмехнулся. Какое-то время он сидел неподвижно, все так же сжимая голову ладонями и уставившись взглядом в пол.

– Нет, – изумил он меня ответом.

Поднявшись, Орино стал преображаться, возвращая привычный верлианский облик.

– Я не буду блокировать твои воспоминания.

Такого ответа я не ожидала, поэтому в растерянности приняла поддержку Орино, поднимаясь следом. Взгляд не отрывался от его лица.

– И?

– И... Это даже хорошо, что мы поговорили.

Едва я уверенно встала на ноги, Орино шагнул к какому-то оборудованию, тем самым напомнив, где мы находимся. Коснувшись рукой крошечной струйки воды, что извивалась рядом, он продолжил:

– Теперь будет проще понимать намерения друг друга. Я предложил тебе решение: свобода в обмен на помощь.

Возвращения к утреннему предложению я не ожидала. В горле встал ком, затруднив дыхание. Все даже хуже, чем я думала. Он одержим! Как же надо хотеть ребенка, чтобы подчинить этой цели собственную жизнь, чтобы сломать столько чужих?

А я... Что ж, я и в самом деле лишь расходный материал, аналог искусственной пробирки, нужный только на время.

– Почему именно я? Ты же должен понимать, что я тебя ненавижу. Как бы ни было неэффективно мое сознание, сейчас оно подчинено одной цели: воспрепятствовать тебе. Зачем тебе это? Попробуй с другой женщиной, теперь ты знаешь верный способ.

Орино стоял ко мне спиной и молчал. Фигура его словно окаменела, выдавая скрытое напряжение. Сегодня не только у меня день разочарований и признания ошибок!

– Нет, – обернувшись, все же ответил он. Во взгляде зеленых глаз верлианца была пустота. – Именно ты, Регина. Поэтому решайся.

С силой зажмурив глаза, я попыталась сдержать слезы. Какой смысл плакать? Его это не тронет. Ведь эмоции – пустая трата энергии. И что бы ни утверждало его сознание – мы совершенно разные, и нам не дано понять друг друга.

– Судьба тебя накажет! – кажется, вслух сдавленно простонала я, цепляясь за последнюю надежду хоть как-то всколыхнуть его эмоции.

– Судьба? – спокойно переспросил он. – У нас нет такого понятия. Или можно сказать иначе: я сам ее делаю. И сделаю! Уже и инкубатор для зародыша приготовил.

Голубокожая рука махнула в сторону замеченных мною пузырей.

Меня реально будут использовать, но совсем не так, как я предполагала изначально. Еще хуже...

– Выбор за тобой. Ты можешь облегчить мне работу, добровольно согласившись помогать, и получить в обмен шанс жить дальше, или я буду вынужден принудить тебя, – четко и уверенно выговаривая слова, поставил меня перед фактом мой бывший возлюбленный, а сейчас – незнакомец, которого я, оказывается, никогда толком и не знала.

– Я хочу умереть, – снова прозвучала глубинная мысль, озвученная надломленным шепотом.

– Такой вариант не предусмотрен. Пока. Потом – как пожелаешь, – спокойно возразил Орино. – Решай!

В душе все словно заledenело. Если у тебя нет ни прошлого и настоящего, ни сил и возможностей изменить ситуацию, что тогда остается? Только надежда на лучшие перемены в будущем, а в моем случае – ждать чуда. Буду верить, что ничего у него не получится. В противном случае останется лишь убеждать себя, если он так хочет этого ребенка, значит, станет достойным отцом. Мне было смертельно холодно и одиноко, сил бороться не осталось.

– Я согласна, – невидящим взглядом уставившись в стену, прошептала я бесчувственными губами. – Буду помогать, и... я хочу оказаться среди подобных мне людей, пусть даже и в прошлом.

Главное, как можно дальше от тебя!

Повисла пауза. Орино конечно же прекрасно расслышал мой ответ, но комментировать его не спешил. Мы так и стояли в окружающей нас тишине – я, обреченно уставившись на безликую поверхность стены, он...

Он стоял чуть в стороне от меня. Ощувив его ладони на своих плечах, я даже не шелохнулась, готовая ко всему. Я сделала свой выбор. Он меня сломил. Так легко и быстро...

– Завтра начнем. Возьму генетический материал и буду пробовать, – осторожно разворачивая меня в направлении спальни, спокойно предупредил Орино. – А сейчас пойдем, тебе надо поужинать. И уже поздно, пора спать.

– Я не устала.

Безразличная, будто мертвая, я не испытала никаких эмоций от его слов. В душе звенели холодные льдинки, мерно стучаясь друг о друга.

Как ни старался Орино убедить меня поесть, ему это не удалось. Мне просто кусок не лез в горло, сразу делалось плохо. В итоге, ограничившись тем, что заставил меня выпить какой-то питательный напиток, он отстал.

Спали мы опять вместе. Вернее, лежали рядом. Я заснуть не могла и продолжала привычно вглядываться в уже изученный мною до мельчайшей черточки потолок. Почему не спал Орино, мне было неинтересно, с сегодняшнего дня он перестал существовать для меня. Нет! Раньше... Когда погубил Дениса на моих глазах.

Поэтому, почувствовав прикосновение его рук, плавно избавляющих меня от простыни, я тоже никак не отреагировала. Он молча продолжал дотрагиваться, причем с очевидными намерениями. А я, безвольно обмякнув, воспринимала происходящее между нами безразлично, отстраненно и безжизненно. С одной стороны, я вроде бы видела, что вот сейчас он ласкает губами мой живот, одновременно сминая руками грудь, но при этом не ощущала его прикосновений, никаких эмоций не возникало в душе – ни ненависти, ни удовольствия. Я словно превратилась в бесплотную сущность, утратившую связь с собственным телом. Оно стало просто оболочкой. В каком-то смысле тоже тюрьмой.

Орино по-прежнему молчал. Говорили его руки, губы, тело, но я не слышала больше этого «голоса любви». Потому что любви и не было, был лишь обман. Только в самом конце, тяжело прижавшись лбом к моему плечу, он едва слышно и надломленно шепнул:

– Регина...

И все. Я же видела лишь потолок, слышала только тишину. В какой-то момент усталость взяла свое, и я уснула, безразличная и к тому, как выгляжу со стороны, и к тому, что ожидало меня завтра.

С момента возобновления нашего сотрудничества с Орино прошла почти неделя. Пять ночей в моем понимании. Четкой хронологии событий у меня теперь не было. Время то ли летело со стремительной незаметностью, то ли стояло на месте. Подобное существование отупляло, создавая ощущение утраты всякой связи с реальностью. И это за такой короткий срок! А что же будет дальше? Я совершенно исчезну как личность, превратившись в некое физическое тело подле верлианца? Однозначно!

Я сидела в наполненной ванне, прислонившись к стенке, и задумчиво смотрела на воду. Сейчас, помимо еды и посещений Орино, вода стала моим единственным удовольствием. Называть появления верлианца развлечением язык не поворачивался. Все ночи мы неизменно проводили вместе и всегда молча.

Но это была совсем не та тишина, что окружала нас в «период расцвета» нашего романа. Тогда мы были просто слишком заняты друг другом, чтобы говорить. Хотя мне так этого хотелось! Сейчас же... Мы молчали, как абсолютно чужие друг другу существа. А ведь мы ими были и раньше, только я не желала видеть очевидного.

Однако чем отчаяннее звенела эта тишина, чем больше я – хотя бы мысленно – стремилась отдалиться от верлианца, тем настойчивее становился его безмолвный напор, который уже сводил с ума: методичное, неуклонное желание подчинить себе, сделать снова зависимой, овладеть не только телом, но и душой. Однако именно ее я решила любой ценой сохранить от порабощения.

Думала я постоянно. О прошлом, о настоящем, о будущем. Пусть меня фактически лишили всего, но думать мне никто запретить не мог, даже Орино.

Поначалу я в страхе ждала, что вот сейчас глаза верлианца нальются янтарем, и он прикажет открыться, вывернуть наизнанку душу, сознаться во всем. Я боялась его, как в первый раз, в тот злополучный вечер в Казани.

Он не приказывал. А я размышляла. И все больше терялась. Кусочки, эпизоды, мгновения моей жизни с момента встречи с ним упорно не складывались в одну общую картину. Я никак не могла объяснить себе многие повороты судьбы, понять логику случившихся событий. Поэтому продолжала искать хоть какие-то мотивы и закономерности в нашей истории, а точнее – в моей трагедии.

Наутро, когда я согласилась на его условия, Орино, как и предупреждал, отвел меня в лабораторию. О том, что было дальше, ничего не знаю. Не помню. У верлианцев свои технологии и другой подход к практическим экспериментам. Последнее, что осознала, – он погрузил меня в какой-то раствор. И я почти сразу вопреки ужасу, с недавшему душу, расслабилась и погрузилась в сон.

Очнулась уже на кровати в своей спальне-тюрьме. Орино был рядом. Собран, спокоен и погружен в собственные мысли. Вероятно поэтому не сразу заметил мой взгляд.

– Спасибо, теперь отдыхай. Необходимый репродуктивный материал забрал. Теперь буду пробовать, – первым делом предупредил он, уставившись куда-то поверх моего плеча.

Я молча отвернулась, подтянув колени к груди. «Пусть его постигают только неудачи!» – пожелала про себя.

С тех пор он появлялся только ночами, днем пропадая в примыкающей лаборатории, доступа в которую у меня не было, или уходил в реальность – координировал работу Службы

времени. Я же была предоставлена самой себе. Думала. Вот и сейчас, вглядываясь в уже остывшую воду, размышляла – стоит ли разбавить ее горячей и все же помыться или заняться чем-то другим. Вот только чем? Взгляд, бесцельно скользящий вокруг, наткнулся на косметичку. Орино любезно заполнил мою тюрьму некоторыми моими личными вещами из прошлого. Я еще вчера намеревалась покопаться в них. Кажется, именно в косметичке должны быть синхродиски. Хотя книги смогу послушать.

Поднявшись, потянулась за своей внушительной пластиковой сумочкой для всякой всячины. Удивительный факт – Орино не забыл ни единой мелочи из моих вещей, все переместилось в эту округлую комнату из моей прежней каюты. И косметичку мне оставил – целый склад нужных и ненужных вещей. Теперь я могла разобрать его, вспоминая жизненные эпизоды, связанные с каждой мелочью.

Засунув внутрь руку, принялась шарить, стремясь выудить синхродиск. Получилось не сразу. Но в итоге я его нащупала. В нынешних обстоятельствах возможность насладиться любимыми книгами была уникальной и безмерно необходимой.

Уже вернув косметичку на место, я включила горячую воду и взялась за активацию синхродиска. Неожиданно что-то маленькое соскользнуло с ладони и плюхнулось в воду. Проследив взглядом, я обнаружила на дне ванной какой-то камешек. Намереваясь подобрать его (и откуда все это барахло у меня скапливается?), я наклонилась ниже и неожиданно от удивления застыла. Камень в воде невероятно преобразился, изменив цвет и словно ожив. Я не могла отвести взора от удивительного минерала, который стал больше и замерцал невероятно восхитительным сочетанием голубого и сиреневого цветов. Он словно затягивал в бездонный омут. Казалось, можно было провалиться в эту сверкающую лазоревую синь. И еще я слышала пение! Я вдруг осознала, что невольно прислушиваюсь к пленительной неземной мелодии. Уже не понимая, что делаю, я склонилась к источнику звука, прикоснулась к камню и окончательно провалилась в странный транс. Всеми органами чувств я погрузилась в упоительное журчание, всматриваясь сквозь потяжелевшие веки в бесконечность живой верлианской воды. В ней мне виделось нечто, оно прорисовывалось все отчетливее с каждым мгновением. А чуть позже, словно приближаясь издалека, донеслись и отрывочные фразы чужого разговора...

– Ты не объективен! Ты заблуждаешься! Ты одержим навязчивой неосуществимой идеей! Какой-то незнакомый мне высший верлианец кричит на Орино.

– Я знаю, что прав, – неумолимым упрямым тоном возражает ему тот.

Меня его реакция почему-то изумляет.

– А вы?! – И я осознаю, что вопрос очень разгневанного незнакомца адресован мне. Ньер... Неожиданно всплывает в памяти его имя. Ньер! Да ведь я его уже встречала раньше, кажется. – Вы согласны на подобное использование?! Вы понимаете, что выйти без потерь из его ловушки у вас не получится? Вы обречены.

– Прекрати!

Орино взбешен. Та-а-аким я его не видела никогда. Или уже видела? Мне откровенно тревожно. Этот Ньер... Он однозначно стремится навредить мне. Или это с Орино я рискую? Сейчас все смешалось в моей голове.

Фрагменты разговора все всплывают и всплывают в памяти, ужасая своей предопределенностью.

– Прекратить должен ты! Немедленно! Расскажи ей все, она разумное существо. Их

цивилизация родственна нашей в каком-то смысле. Она имеет право отказаться участвовать в твоих планах, – упрямо гнет свое Ньер.

– Нет, – холодно, жестко и безжалостно отвечает Орино.

Он стремительно приближается к Ньеру, подавляя его. Словно нависая, отгораживает его от меня.

– Я сказал тебе это однажды и повторяю вновь: оставь ее в покое. Этот год – мой!

К моему удивлению, Ньер и не думает уступать взбешенному Орино.

– Я всегда был уверен в своем отношении к происходящему между вами. Но сейчас вижу, что ты усугубляешь собственное положение – наш с Региной недавний разговор ты заблокировал! Как это понимать?

Я в страхе вздрагиваю. Зачем на станцию прилетел этот странный въедливый высший? Испортил нам вечер. А сейчас... Осознать то, что он говорит, невыносимо! Я не могу поверить собственным ушам – чтобы мой верлианец как-то воздействовал на меня?!

– Через год предъявишь мне претензии, – все так же загораживая меня собой, твердит Орино.

– Я намерен принять упреждающие меры сейчас или позволю рассказать ей все! – предъявляет свой жесткий ультиматум Ньер.

Он спрашивает меня, хочу ли я слушать его рассказ. Мне малодушно боязно. Но что бы он ни сказал, я знаю – мы с Орино созданы друг для друга. Ведь нам так хорошо вместе. После возвращения с Верлинеи у меня были планы. Я надеялась, что смогу укрепить наши отношения, я думала... мечтала о жизни вдвоем. Я уже видела нас вместе навсегда!

– Ладно, – с явным внутренним протестом кивает Орино. – У тебя есть несколько минут, чтобы поговорить с Региной.

Он, не оглядываясь, выходит. В легком ступоре уставившись на опустившуюся за ним дверь, я настороженно подтягиваю к себе ноги, отодвигаясь вглубь верлианской широкой гидрокровати. Разговаривать с чужаком совсем не хочется. Тем более я не ожидаю услышать то, что он внезапно высказывает:

– Вас используют, приручают и завлекают. С единственным намерением – заполучить от вас потомство. Ради самой маленькой возможности зачатия. Ваша собственная жизнь ничего не значит. Ваше излишнее внимание или паника превратятся в прямую угрозу в дальнейшем. Вы погибнете, как только он своего добьется... Ты погибнешь! Пойми же, что ты больше не будешь ему нужна. У него есть постоянная места, и он всегда – подчеркиваю, всегда! – будет стремиться вернуться к ней. Такова суть их отношений.

Я не могу сдержать судорожного выдоха, пытаюсь в этом потоке злобной лжи мысленно отгородиться от навязчивого внимания моего одиозного собеседника.

– Вам надо бежать отсюда, бежать от него. И чем скорее, тем лучше. Шансов ускользнуть все меньше. Фактически территорию Службы времени он вам покинуть не позволит, без него – уж точно. И это очень, очень плохо. Регина, вам нечего противопоставить влиянию Орино, он подчинил вас. Я вижу единственный выход для вас.

Он говорит все это так драматично, так обреченно, так... правдоподобно. И я не могу не верить – на каком-то интуитивном уровне.

– Ваш шанс в возможности переместиться. Укройтесь от него в другом времени. Там не найдет. И пусть для вас это большая потеря, но это шанс выжить. Да, не среди привычного мира, но вы будете жить. А привыкнуть можно ко всему, это я вам могу сказать точно.

Эта убежденность, напор, очевидное намерение навредить другу настораживают, и я, с

трудом разлепив губы, шепчу:

– Зачем это вам?

Он отшатывается. В глазах мелькают боль, тоска и... злоба.

– Я хочу спасти и его, и вас. Верьте мне, у вас нет выбора. Бегите, не задумываясь, спасайтесь, пока есть возможность – ускользайте прямо сейчас!

– Сейчас?

Я совершенно растеряна, это сродни какой-то горячке.

Ньер неожиданно грустно улыбается.

– Да, сейчас. Вы думаете, я вам это впервые говорю? Нет. Но вы каждый раз совершаете одну и ту же ошибку – решаете довериться Орино. Убегайте, ищите свое место в жизни.

Поняв, на что он намекает, я вздрагиваю. Гипноз! Это же возможно. Орино, конечно, обещал, но, не помня об этом, как я спрошу с него за обман?

Обман...

– Почему вы такие? – На душе становится так горько, что не хватает слов, чтобы выразить эту боль. – Почему не оставите нас в покое... меня?

Ньер с рассеянным видом оглядывается на дверь, за которой исчез Орино.

– Мы ответственны за вашу расу, если хотите – виноваты в том, что она существует. Вы – наша ошибка. Увы, ее уже не исправить. Но в каком-то смысле это связало нас... наши цивилизации. Вы, Регина, лишь исключительное подтверждение этой связи. Мы стыдимся этой ошибки, для нас ваша раса – невыносимый позор, наглядное подтверждение единственного срыва одного из нас. Мало кто из верлианцев соглашается работать на Земле, хоть как-то контактировать с вами. Это слишком трудно для нас – наблюдать за вами и осознавать, что вина за вашу губительную суть во всем наша. А Орино вот может. Тем он ценен для нашего общества, в чем-то незаменим. И то, что так получилось с вами... Мы не предвидели подобного варианта. Но и среди высших верлианцев, – Ньер судорожно и грустно выдыхает, – не все справляются с собой. Вот и Орино. Он не первый. Был в нашей истории и еще один драматичный случай, еще один... одержимый.

– А я?

– Вы не виноваты ни в чем, вам просто не повезло изначально родиться такой. Именно поэтому я пытаюсь спасти вас, не могу игнорировать действия друга или молча ликвидировать вас. И открыто пойти ему наперекор я не способен – нас так мало и каждый слишком важен, общие интересы представителей нашей ступени преобладают. Поэтому повторяю – рассчитывать вы можете только на себя. Бегите! Спасайтесь! Не ставьте меня перед выбором – обнародовать ошибки друга или устранить вас. Мое решение очевидно.

Я вздрагиваю, отшатываясь от него. Все звучит так обреченно, так лживо. А я так ничемна для них.

– Но как?

– Снова скажу, что вижу для вас только один выход – прошлое. Вы в любом случае больше подготовлены к этому шагу, чем кто-то другой. И эту базу вам не покинуть иначе. Перемещайтесь.

Я уже откровенно ничего не понимаю, окончательно запутавшись в их мотивах и целях, отупев от душевной боли и поддавшись напору его убеждения. Возникает желание сорваться с места и немедленно сделать то, что предлагает Ньер. Неужели и тут гипноз?

– Как я смогу переместиться? Кроме верлианцев, никто не умеет пользоваться этим механизмом, я даже не знаю, где этот процесс осуществляется, как выглядит... э-э-э...

устройство. Я совершенно ничего не знаю о перемещении и работе водной матрицы.

– Я вложу эти знания в ваше сознание! И дам вам ключ. В любой момент вы сможете запустить процесс взаимодействия с памятью, которая хранится водой, и сумеете исчезнуть. Только не тяните, делайте это прямо сейчас, иначе...

– Что?

– Орино опять заблокирует ваши воспоминания об этом разговоре!

– Регина!

Громкий призыв вернул меня в реальность. Судорожно вцепившись руками в бортик ванны, я потрясенно смотрела на так и лежащий на дне камень. А ведь он, кажется, не один!

– Регина!

Голос Орино прозвучал гораздо ближе, позволив мне осознать, что еще минута – и он войдет сюда. Сейчас попасться ему на глаза было бы катастрофой. Наверняка у меня на лице написано потрясение, и он немедленно заподозрит нечто из ряда вон выходящее, а потом заставит рассказать обо всем.

– Не входи! – отозвалась я, как никогда радуясь, что с моего запрета на Верлинее между нами установилось правило: ко мне в купальню без разрешения он не врывается. Хотя... Можно ли сейчас быть уверенной хоть в чем-то?

Времени на обдумывание не было. Все потом! Сейчас крайне важно взять себя в руки, скрыть признаки возбуждения, вернуться в характерное за последние дни для меня состояние апатии, не выдать собственных воспоминаний.

Но Орино... Я слышала, чувствовала кожей, что он рядом – за дверью!

– Сейчас выйду. Я моюсь, – отозвалась я, стараясь говорить как можно более безразлично и расслабленно, чтобы у него не возникло никаких подозрений.

Как же сейчас выдержать его взгляд, каждую секунду ожидая, что мелькнет угрожающая желтизна в его зрачках?! Набрать воздуха в грудь и с головой кинуться в омут – в жизненно важную игру. Спасительную показуху. Надо укрыться за маской, войти в образ, оставаясь при этом собой! Если в Казани я играла королеву, будучи боязливым зверьком в душе, то теперь, наоборот... Желание и, самое главное, появившаяся наконец надежда на спасение вселили в мое сердце неукротимую жажду обыграть его.

Значит, чтобы хоть как-то исправить ошибку, допущенную «королевой», скроюсь за маской безвольной и смилившейся рабы. Я просто притворюсь, что по-прежнему живу по инерции. А сама буду ждать момента. Необходимо опустить в воду и остальные камни. Понять, какое отношение они имеют к побегу, и «вспомнить», как, собственно, осуществляется этот побег!

Решительно поднявшись, я мысленно стерла с лица все признаки того, что мне открылись новые знания. «Я – жалкая раба!» – прошептала про себя. И с этим настроением, с каждой секундой ощущая, как жалость к себе окутывает и пропитывает меня все сильнее, укрывая своей маской, я завернулась в ткань и шагнула к двери.

Орино, впрочем, был слишком сосредоточен на каких-то своих думах, чтобы серьезно приглядываться ко мне.

– Ты опять не ешь? – скользнув по мне рассеянным взглядом своих неземных глаз, недовольным тоном задал верлианец такой привычный уже вопрос.

Аппетита в последнее время у меня не было, я через силу заставляла себя есть. Но сейчас, на волне невероятного внутреннего возбуждения, я ощутила голод. Для борьбы

нужны силы! А у меня появился реальный шанс что-то изменить. Но, опасаясь выдать себя и провалить роль смиренной пленницы, я с сомнением пожала плечами и грустно шепнула, отведя в сторону взгляд:

– Не хочется.

– Ешь немедленно!

Я знала, что он это скажет. И была рада такой предсказуемой реакции: кушать очень хотелось.

Орино все чаще в последние дни составлял мне компанию во время еды, контролируя, чтобы я не заморила себя голодом. И сейчас я была благодарна судьбе за такую заботу.

Орино по-своему старался создать для меня сносные условия жизни. Если бы еще не помнить про его мотивы и мои перспективы! Мужское внимание со стороны верлианца, учитывая наши нынешние взаимоотношения, было мне неприятно, я страшилась его. Но даже при этом о насилии речь не шла, слишком многое связывало нас в прошлой совместной жизни, слишком хорошо наши тела знали друг друга. И если душа оставалась безразличной к его вниманию, а сердце не трогали ласки, то вот тело... Пусть и против моей воли, вопреки всему инстинктивно оно отзывалось, предавая меня в попытке сохранить хотя бы крохи собственного достоинства. Слишком хорошо он успел изучить меня и старался удержать хотя бы такую форму контакта, а рано или поздно поработил бы меня окончательно.

Появившийся так неожиданно шанс сбежать от инопланетного маньяка и начать жизнь заново, перечеркнув прошлое, воскресил во мне уверенность, что я справлюсь со всем, лишь бы навсегда оказаться вне пределов его досягаемости.

– Хорошо, – скрывая внутреннее ликование, безжизненно шепнула я.

Совместную трапезу еле вытерпела. Приходилось делать вид, что ем с нежеланием, и ждать, когда же он уйдет, оставив меня одну, дав мне возможность воспользоваться информацией и от остальных камней. Я терпеливо играла свою роль, прячась за маской безволия, понимая, как много поставлено на кон!

Мы молчали. Я никогда не спрашивала его об успехах, о том, что происходит за стенами моей тюрьмы. Орино тоже не заговаривал об этом. О будущем рассуждать было бессмысленно – это мы понимали оба. О настоящем... А что тут скажешь? Прошное же для каждого из нас погибло на дне той самой пропасти, в которую на моих глазах сорвался из-под купола искусственного неба Денис.

Фактически живя совместной жизнью, мы были как никогда ранее чужими друг другу. Пленница и тюремщик, подопытный материал и безжалостный экспериментатор – такими были новые формы наших отношений. Они не предполагали тепла, открытости и общения. Между нами была бездонная пропасть из моих обид, горя и ненависти.

Наконец он ушел.

Регина

На всякий случай я выждала полчаса – вдруг Орино еще чем-то обеспокоится? Перевернув косметичку, высыпала все содержимое на пол верлианской купальни и методично перерыла в поисках чудесных камешков. Обнаружила еще пять. И сразу меня обожгла мысль о том, что значительная часть жизни вообще прошла мимо! В душе вспыхнула злость и желание отомстить Орино, сбежав и тем самым лишив его возможности осуществить заветное намерение. Эта основополагающая цель оттеснила на время даже тоску по маме, как, впрочем, и всякую осторожность.

Страстно желая воссоздать истинную картину прожитого года, я сразу все камни зашвырнула в воду и уселась в ванну сама. Взяла в руки первый попавшийся и...

И снова прекрасное преображение, бесконечная лазоревая глубина и очередной нырок в воспоминания. Всматриваясь в блики воды над лежащими на дне ванны минералами, я вновь слышала пленительную мелодию и поняла, что именно «пение» этих камней разрушает поставленные чужой волей блоки в памяти. И это вполне логично – в мире, где существуют такие гипнотизеры, обязательно должно быть нечто, способное нейтрализовать их действия.

Я вновь окунулась в странный, до боли узнаваемый сон, который – теперь я знала это – был самой настоящей правдой.

Мы с Орино, укрытые полумраком, целуемся в его кабинете. Я испытываю невыразимое счастье, он улыбается, в невероятных верлианских глазах светится любовь. И пусть он сам еще не осознает этого – я подожду, он обязательно поймет. А пока главное – это то, что Орино рядом. Его широкие плечи укроют от любых бед, а на сильную мужскую грудь я смогу преклонить голову, позволив себе быть просто слабой, женственной и желанной. Наконец-то и я нашла во Вселенной того, с кем я хочу быть всю жизнь рядом. Я больше не одинока.

– Реги, – он с усмешкой шепчет мне на ушко слова поддержки, ведь сегодня я получила нагоняй от Кузьмина. И заслуженный, надо признать! Впрочем, ради такого утешения стоило пережить пять минут позора.

– Он меня та-а-ак отчитал! К себе вызвал и прямо заявил, что в курсе, чем я сегодня в рабочее время занималась! – наигранно жалобным тоном ябедничаю я.

– Мм... – с интересом отзывается мой верлианец, плавно проводя языком по внутреннему краю моего уха.

В груди на миг все замирает от восторга! И я еще крепче прижимаюсь к нему.

– Я слишком увлеклась, зачиталась подробностями про время, к перемещению в которое мы готовимся. – Я шумно выдохнула, почувствовав, как меня ловко прижали к тягучей поверхности верлианского стола. – В Службе времени столько информации, о которой я никогда раньше не знала. Например, о футболе. Была когда-то такая игра на Земле.

Последнюю фразу Орино ловит губами, целуя, и плавно укладывает меня на спину...

Внезапно, разрывая все очарование момента, мутное верлианское зеркало светлеет, отображая кого-то. Я отчетливо слышу недовольный скрип зубов своего возлюбленного.

– Опять Ньера принесло, – шипит он в сторону, поднимая меня и помогая вернуть на прежнее место уже полустянутую с меня униформу.

И начинается! Верлианцы, стоит гостью бросить в мою сторону быстрый, отдающий желтизной взгляд, страшно ссорятся, заставляя меня в испуге и недоумении отбежать в

дальний угол кабинета.

– Ты отвратителен в своем ослеплении. Что ради тебя испытывает Кьело, ты представляешь? Ты не намерен подумать о том, чтобы навестить ее в пещерах трансформации, поддержать? Нет! Вместо этого ты развлекаешься тут с бестолковым домашним питомцем! Когда ты признаешь абсурдность своей задумки? Когдапустишь земную женщину проживать отведенную ей жизнь? Хватит вмешиваться в ее судьбу! Если сам не способен поступить благоразумно, не мешай мне, – негодует Ньер.

– Мне надоело повторять, что тебе не разобраться в ситуации, пока не будет запущен процесс пробуждения твоих нхей! И я прав, я знаю, что делаю, – не менее эмоционально парирует Орино.

– Регина! – Вопль пришельца адресован уже мне. В панике замираю, я-то ему зачем? – Он вас использует. Вы инкубатор, ходячая лаборатория для его эксперимента, безвольная эпизодическая игрушка.

– Ты так заботлив? – саркастическим тоном необычайно холодно перебивает его мой верлианец. – Я теряюсь в догадках, не посетило ли и тебя желание обзавестись эпизодической игрушкой?!

– Нет! – Ньер буквально подпрыгивает на месте. – Я бы себе никогда не позволил такой слабости. А ты... Тебе и так дано больше, чем любому из нас. Кьело пошла твоим путем, чего тебе еще? Зачем тебе – она?

Ньер грозно наставляет на меня палец, отчего я вздрагиваю.

– И самое отвратительное, – не давая противнику вставить слово, продолжает он свои обличения, – ты не оставляешь ей никакого выбора! Она разумное существо. По какому праву ты заблокировал ей воспоминания о наших разговорах?!

– Потому что Регина – моя!

Орино резок и лаконичен. А его ответ отзывается в моей душе ликованием. Я на все согласна, только бы быть вместе.

А этот Ньер... Да он просто завидует!

– Ты думаешь, я стремлюсь навредить вам?

Словно услышав мои мысли, он разворачивается ко мне. Я растерянно сглатываю и ищу взглядом Орино. Тот смотрит в сторону.

– Я спасаю тебя, неразумная, – в неподдельном отчаянии выкрикивает Ньер. – Как проклятый прилетаю сюда снова и снова ради того, чтобы помочь тебе. Но ты упрямо слушаешь не меня.

Орино зло рассекает воздух резким взмахом ладони и выскакивает из комнаты. Кажется, он еле сдерживает себя, чтоб не накинуться на друга. И я остаюсь наедине с этим... И снова слышу кошмарную правду. И понимаю, что да, я – инкубатор, игрушка, питомец. Снова душевная боль и горечь пронзают тело, сковывают движения и мешают дышать.

– Как спастись? – еле слышно, едва шевеля губами, глухо выдыхаю я.

– Снова повторяю вам, убегайте в прошлое! В настоящем для вас места уже не будет, – с состраданием в глазах шепчет Ньер.

– Бесполезно! – Рыдания душат меня, я с огромным усилием подавляю их, чтобы ответить. – У меня, как у сотрудника Службы времени, специальный имплант. Даже сумею я переместиться, меня через него выдернут обратно. Ничего не получится.

Ньер озадачен.

– Одно это уже говорит о многом. Вы все подвластны его воле, в какой бы форме это ни

выражалось, – отмечает он с усмешкой. – Орино определенно очень полезен для нашего дела, им нельзя рисковать. А вы – огромная помеха.

В его словах мне слышится угроза. И это наводит на другую мысль.

– Вы специально провоцируете меня! Вам что-то надо. И вовсе не ради спасения меня вы снова и снова прилетаете сюда! Вы преследуете свои интересы!

– Да, – нисколько не смущаясь, уверенно кивает Ньер. – Интересы у меня свои, вот только я не готов, как Орино, ради них принести в жертву столь многое – сломать жизнь вам, разрушить свою.

Я недоуменно всматриваюсь в него сквозь мутные от соленой влаги глаза.

– А что касается импланта. – Ньер вновь возвращает нашу беседу в нужное ему русло. – Все элементарно просто: пусть с вами всегда будет анемон. Он заблокирует любую попытку воздействовать на вас через матрицу воды.

И он вкладывает в мою ладонь прохладный, невероятной красоты голубой камень.

– Храните его, молчите о нем. Спрячьте! В нем ваше спасение! – наставляет он меня как перед прыжком в бездну.

Я так растеряна, так раздавлена внезапно открывшейся правдой об истинном отношении ко мне любимого мужчины, что безропотно подчиняюсь, принимая камень.

С резким звуком поднимается дверь, являя нам уже успокоившегося Орино. Ньер деловито направляется к нему и, словно не было только что нашего невероятного диалога, заговаривает о чем-то, понятном только им двоим:

– Она гаснет, придется нам отдавать звезде свои жизни. Необходимо собраться всем Высшим и решить, как будем выбирать, кто отправится в свой последний полет.

Но сейчас его слова меня не интересуют. Внутри бурлит смертельный коктейль из страха, непонимания и отчаяния. Кажется, и Орино не слушает друга, сосредоточенно всматриваясь в меня такими знакомыми глазами, которые, я чувствую, в любой момент готовы пожелтеть.

Мне плохо, еда стремительным рывком стремится наружу. Все, что я только что услышала, – ужасно, и я совершенно не представляю, что делать. Зажав рот ладонью, бросаюсь к открытой кабине лифта, той самой личной переместительной системе главы Службы. Я не думаю о впечатлении, которое произвожу на присутствующих там верлианцев. Они наблюдают за моим маневром в звенящей тишине. Только в самый последний момент, за мгновение до того, как меня скрывает дверца кабинки, Орино, как будто решившись, делает шаг в моем направлении.

– Регина...

Дверь захлопывается, и меня плавно уносит в мою каюту. Выскочив, я первым делом устремляюсь к унитазу. Так плохо, кажется, не было никогда. Или было? Да, когда я заболела по пути на Верлинею.

– Регина!

Голос Орино звучит совсем рядом, за дверью. Он тут! В моей каюте. А я думала, что это мое личное пространство.

– Не входи! – сдавленно кричу я, и вновь меня скручивает резкий спазм.

Позади тишина, но я чувствую кожей – он там. Слегка отдышавшись, умываюсь, стараясь потратить совсем немного воды, полощу рот. И думаю, думаю, думаю... Анемон! Я должна спрятать его. Но куда? И тут взгляд падает на косметичку. Не задумываясь, бросаю камешек внутрь. Сейчас избавлюсь от Орино и рассмотрю его как следует.

Он ждет меня, наши глаза встречаются. И не успевают с моего языка сорваться горькие слова обличительной правды, как зрачки верлианца наливаются янтарем.

— Регина, иди ко мне. — Это и будет то единственное, что я запомню из всего происшествия.

Я и так знаю, что было дальше: весь вечер мы провели вместе, долго купались вдвоем в его ванне и... Орино был так нежен.

Пришла в себя от резкого ощущения боли и тут же почувствовала во рту солоноватый привкус — я прокусила губу. Память или то, что мне от нее оставили, с легкостью вытащила из своих закоулков еще несколько случаев, когда мой мужчина был особенно, просто невероятно нежен. Неужели за каждым из них стоял такой вот откровенный разговор?! Забытый мной по воле хозяина...

Задушив приступ отчаяния в зародыше, я схватила другой камень. Надо выяснить все! Теперь я поняла, что белых пятен еще немало.

Регина

Очередное затяжное погружение в лазоревую реальность. Снова взгляд проваливается в бесконечность, а ухо улавливает притягательную песнь воды. Зов настолько глубинный и неодолимый, что ему не удастся воспротивиться...

Ньер. Какая неоднозначная фигура. Если Орино теперь пугает меня, противен мне, ненавистен, и именно ему я приписываю все свои беды, разрушенные надежды и поломанную судьбу, то Ньер... Какова его роль в моей жизни? Что ему надо? В этот раз я вспомнила наше знакомство, всплыло в памяти его участие в событиях, произошедших в подводном городе, последовавшая за этим новая встреча, странный разговор возле дома, его просьба и подарок – первый анемон.

Получается, он еще тогда понял намерения Орино и стремился помочь? Дал мне шанс выяснить правду? Он стал единственным представителем их расы, который отнесся ко мне с пониманием, попытался спасти. Даже открыто выступил против друга, упрекнул его. Возможно, именно поэтому я до сих пор жива?

Но... Сейчас мне страшно поверить в чье-либо бескорыстие, всюду мерещатся обман и ложь. И за это я тоже должна сказать спасибо своему верлианцу. Он убил во мне саму меня. Ведь не может быть человека, у которого нет прошлого, нет семьи, корней, хоть какой-то своей истории.

Эти вмешательства Ньера дают мне шанс. Поэтому не важно, из каких побуждений он действует. Остается только воспользоваться его помощью и надеяться, что сумею исчезнуть. А про Верлинею надо забыть! Не было этого чуда в моей жизни, никогда не было! Все – лишь игра, очередная возможность воздействовать на меня.

Я не доверяю ему, но сделаю так, как он говорит, и будь что будет! Ничего хуже, наверное, уже не случится.

Другой камень. И новый разговор. Все о том же! Как же часто он пытался достучаться и до меня и до Орино? Столько – сколько камней в моей косметичке? А может, и того больше.

– Вы уже предупреждали меня? Я не верю, не помню...

Я в очередном шоке от сказанного Ньером.

– И так каждый раз, – кажется, искренне вздыхает верлианец. – Я повторяю, Орино не дает вам шанса использовать знания, полученные от меня. Убрать воспоминания совсем он не в силах – мы равны в способностях, но лишит вас возможности вспомнить самой, без моей помощи – может. Пока...

– Пока? – в дикой растерянности переспрашиваю я, цепляясь за каждое отдельное слово.

– Да, есть предел. Ваше сознание так устроено. Вы все равно вспомните когда-нибудь. А чем больше слоев воспоминаний укрыто блоком, тем выше вероятность всплеска. Его что угодно может спровоцировать. И тогда останется только нанести вам вред.

– Вред?

Кажется, я так отупела, что способна только бездумно переспрашивать, пытаюсь вновь и вновь поверить в его слова. Почему-то я хочу в них верить, а ведь так не должно быть. Я должна доверять лишь Орино!

– Да, вред. Есть способ избавить от воспоминаний вовсе, но он радикальный. После него сознание останется совершенно чистым, как у младенца. Взрослый, ничего не помнящий и ничего не знающий младенец. Беспомощный, обреченный. Мы это проверяли.

И со своими нынешними знаниями я понимаю: у меня предел. Тут или вредить, или, если заблокировать еще хоть одно событие, можно ждать неминуемой лавины воспоминаний.

Вот в чем причина нынешней откровенности Орино! Он «позволяет» мне помнить, потому что не может поставить блок. Угрожая мне гипнозом, он, как обычно, лгал мне.

Или не лгал? Но тогда, чтоб добиться результата, ему надо ликвидировать мою память полностью. Интересно, сколько таких, как я, людей было использовано верлианцами, после чего бедняги были обречены на полную беспомощность?

– Как мне отважиться на побег? Пусть я знаю о прошлом немного больше обычного землянина, но та Земля – чужой мир. Я все равно погибну там, лишенная элементарных ресурсов, необходимых для жизни.

Ньер торжествующе вскидывает голову, пронзая меня ликующим взглядом.

– Главное – решиться! Обдумайте ситуацию и сделайте все возможное, чтобы облегчить себе адаптацию там. Вы сможете, кто-то другой – нет. Думайте!

– Но одежда, еда, нечто, способное подтвердить людям прошлого мое право находиться там, и... я не знаю, что еще.

Я пытаюсь как-то собраться с мыслями, пребывая в панике от перспективы совершить неподготовленное перемещение, которое пугает меня не меньше, чем стирание моей памяти.

Ньер впадает в задумчивость.

– Я сам доподлинно не знаю всех особенностей матрицы времени, это проект Орино. Но вместе с вами точно может переместиться то, что в качестве материальной основы присутствует в мире конечной точки путешествия во времени.

Я грустно усмехаюсь. Хлопок, лен, шерсть? Кажется, из этого делали одежду в начале третьего тысячелетия их новой эры? На Земле о таком уже давно никто не слышал. Даже в бутике Далии одежда внешне повторяет модели прошлого, но сделана из современных искусственных материалов. Получается – перемещусь голой?

– Должна быть на базе одежда из того времени. Этот проект готовили, значит, о такой мелочи, как необходимый минимум, наверняка подумали. Берите больше! То, чего в том времени нет, развоплотится в процессе перемещения, – заверяет меня Ньер.

Странно, чем реальнее вырисовывался мой побег, тем труднее мне было поверить, что он все-таки состоится. Мне стало страшно. Захотелось броситься вон из ванны, найти Орино и... попросить его о помощи.

Непростительная наивность! Нашла кому доверять. Я не все помню даже про первую встречу с ним. Остекленевшим взглядом я смотрела на камни, оставшиеся на дне ванны. Еще два! Возможно, и она, эта первая встреча, где-то тут. Вдруг и там было внушение? Ведь изначально я не хотела сближения, боялась его! Когда все изменилось?

Внезапно я осознала, что впечатлений от пробужденных воспоминаний уже достаточно. Их бы переварить! Тем более Ньер сказал, что анемон необходимо взять с собой, чтобы заблокировать действие импланта. Вот и возьму эти два. Если все получится – узнаю о том, что они скрывают, со временем. Не получится – значения их информация иметь уже не будет.

Накинув простыню, я прислушалась, не вернулся ли во время моего «транса» неожиданно Орино. Затем вышла из ванной.

Надо успокоиться и прежде всего понять, как пробраться непосредственно к матрице времени, к месту, откуда смогу осуществить перемещение. И сделать это надо до возвращения Орино, чтоб задуманное им не получилось никогда.

А вдруг его опыты уже имеют какой-то результат?! Я метнулась к стене, за которой располагалась лаборатория. Как туда попасть? И неожиданно поняла, что знаю ответ! Анемоны, сняв множество блоков в моих воспоминаниях, открыли доступ к этой информации. Ньер не солгал – он действительно вложил в мое сознание инструкцию о том, как перемещаться по верлианской территории, используя их технологии!

Я почувствовала, как от волнения мои ладони стали потными, и новым своим сознанием поняла – это то, что надо. Закрыв глаза, я подчинилась «автопилоту», действуя на уровне инстинктивных озарений. Моя рука вскинулась, вплотную соприкасаясь с поверхностью стены. Контакт влажной кожи с преградой привел к тому, что я услышала легкий шелест, и часть стены плавно потянулась вверх, открывая проход в мою личную пыточную.

В помещении многое изменилось. Не было капсулы, наполненной раствором, куда меня погружал Орино, исчезло незнакомое оборудование. Внутреннее пространство освободилось и одновременно заполнилось! Множеством уже виденных мной раньше прозрачных пузырей. Они были разной величины – от крошечных, диаметром в десять сантиметров, до огромных, размером с треть помещения. И внутри они были заполнены жидкостью, в которой плавало что-то. Не знаю, живое или нет, устройство или зародыш. Нечто похожее на крошечную раковинку-спиральку.

Я не знала, означает ли наличие этих пузырей успех, которого добился Орино. Мне просто стало невыносимо жутко от такого зрелища, душу переполнил инстинктивный страх. И я, действуя под его влиянием, бездумно, едва осознавая, что делаю, бросилась ожесточенно крушить эти пузыри. Остановить меня сейчас никто бы не смог. Вода выливалась во все стороны, окатывая меня вновь и вновь, пропитав насквозь укрывавшую меня материю, хлупала под ногами. Пузырь за пузырем, и маленькие, и большие. Я не думала о том, что, может быть, уничтожаю живой организм, что, возможно, существует какая-то система оповещения – сейчас среагируют датчики и явится Орино. Я просто выплескивала свою ненависть, боль, отчаяние, представляя себе, что уничтожаю его.

Остановилась, только когда пузыри закончились. Нервно оглянулась назад – туда, где в стене зиял проем в спальню. Орино не было. Но, возможно, он уже на пути сюда!

Взгляд хаотично заметался по лаборатории. Что я искала? Выход, уцелевшие пузыри, оружие, какой-то способ защиты? Сейчас я была готова на все – убивать голыми руками, погибнуть самой, лишь бы исчезнуть...

На небольшой подвесной конструкции заметила небольшую объемную сумку с длинным ремешком. Неужели кожаная? Времени на раздумья не было, а она мне пригодится, особенно из натурального материала. Рывком сдернув ее, я оглянулась в поисках одежды. Хотя какой-нибудь. Увидела верлианскую тунику Орино. Скинув мокрую простыню, не задумываясь, натянула ее – сойдет за платье. И немедленно выскочила в спальню, а там, подчиняясь «автопилоту», коснулась ладонью стены.

Меня трясло мелкой дрожью от нервного перевозбуждения, ладони вспотели. Так что верлианский детектор сработал мгновенно – проход открылся, позволив мне разглядеть

длинный узкий коридор. Верлианский – вода была повсюду, сбегая по стенам, увлажняя пол, конденсируясь в воздухе. Боясь утратить решимость, окрыленная первым успехом, я метнулась в этот легкий туман. И побежала, стремясь к единственной цели – месту, где осуществляется перемещение во времени.

Где бы оно ни было на этой проклятой верлианской базе – я должна добраться туда!

Коридор казался бесконечным, у меня возникло ощущение, что бегу уже долго, поднимаясь выше и выше по спирали. А впереди – только зыбкая и непроглядная пелена пара. Я со страхом ждала, что в любой момент путь мне преградит Орино или кто-то еще из высших. Я не думала о том, что, возможно, это путь в тупик, я стремилась его пройти. Я мчалась к своей цели, словно это было последнее, что я должна была сделать в жизни! Меня тянула вперед непреодолимая сила, не позволявшая одуматься, оглянуться назад или повернуть.

Стоп! Не знаю как, но я поняла, что пришла. Остановившись, казалось бы, в ничем не примечательном месте бесконечного коридора, ведомая внутренним наитием, я коснулась стены. И снова, трясаясь от волнения, сумела открыть очередной проход.

Странное помещение. С испугом шагнув внутрь, я почувствовала, как позади с тихим шелестом мгновенно опустилась дверь. Это было похоже на подводную пещеру, напомнившую жилище в водном городе, только колоссальных размеров. Очертания потолка и стен скрывал сверкающий сумрак. Это поблескивали капельки влаги, отражающие лучи рассеянного освещения.

Взгляд тонул в клубящейся повсюду воде, которая «держала форму»! Я даже замерла на мгновение, пораженная этим фактом. Не скованная никакой преградой, вода вздымалась вверх, пульсируя и плавно колышась. Она словно висела в воздухе, не обрушиваясь водопадом на пол. Невероятно. Жутко. Грандиозно!

Я задохнулась, не имея сил сдвинуться с места или отвести взгляд от голубой прозрачной и подвижной материи. Вода. Огромное количество воды – факт, не укладывающийся в моем сознании, пугающий до оторопи. Но направляющая меня сила понукала, дергала изнутри, сотрясая и требуя идти дальше, в воду!

Ужас! Я не смогу!

Мои нервы были напряжены до предела. Внезапно я услышала шум. Шаги! Торопливые. И они приближаются. Кто-то бежит сюда, не таясь, не скрывая своего приближения. Шаги доносились справа, откуда-то изнутри этого висящего в воздухе моря воды. И это активировало мои действия. Я решилась, отринув все колебания!

Стремительно оглянувшись вокруг, выхватила взглядом несколько ячеек в стене возле входа. Там что-то лежало, какие-то комплекты – кажется, одежда. Не теряя времени, я схватила первый попавшийся мешок, сжала в руке два взятых с собой анемона и, зажмурившись, боясь в последний момент не выдержать и струсить, напролом кинулась в самую гущу водной массы.

Так было со мной уже когда-то... не в этой жизни. На Верлинее! Спасибо Орино за то, что научил меня нырять, заставил пересилить страх перед погружением в воду. Сейчас это мне очень пригодилось!

Почувствовала удар от первого соприкосновения со стеной воды, а затем вязкая жидкость, обволакивая мое тело, утянула меня за собой, забирая в неизвестность.

Орино

Этот вариант я всегда рассматривал как самый крайний. Но именно им мне пришлось воспользоваться после того, как неумный землянин уничтожил Регину. Подобного поворота я не предвидел и сейчас понимал, что причина моей ошибки в недостаточной осведомленности. Я слишком многое пустил на самотек, сосредоточившись на важнейшей цели. Привык полагать, что люди настолько свыклись со своим существованием, что и помыслить о прорыве не смогут. Пренебрег элементарной безопасностью, позволил себе смягчиться, пойти на уступки, и вот результат.

Пришлось поступить вопреки важнейшему закону — я вернулся в прошлое, чтобы изменить настоящее. Пусть всего на несколько минут назад, перекроив судьбу лишь одного существа. Но каждый из нас, хранителей водной матрицы, знает: это может обернуться катастрофическими последствиями. Не важно, что мы внушаем другим, обещая им перемены в прошлом, которые изменят нежелательное настоящее. Никогда такое не случится! Просто элементарно невозможно. Это просто способ манипуляции, механизм влияния — мы стараемся направлять развитие других цивилизаций нашей звездной системы вперед.

Никто не должен знать будущего и менять прошлое. Такое знание может стать фатальным — вот основной, нерушимый принцип, которому следуют все хранители. Обязаны следовать! Иначе мир рухнет в бездну.

Я же нарушил его ради Регины. В миг, когда не успел остановить падение землянина, прихватившего с собой мою месту, отчетливо осознал: я сделаю это. Паники не было — удивительный факт! Я не страшился наказания, не думал о долге и ответственности хранителя, последствиях для мира. Вернее, запретил себе думать, твердо решив — верну ее только для себя, уничтожив для всего остального мира. История не изменится, ведь для всех она погибнет. Это нарушение, но одновременно и компромисс в этой сложной ситуации. Равновесие не качнется, последствий не будет. Регина выживет, но только для меня. Я скрою ее от настоящего, выбрать между местой и долгом хранителя не придется.

Пока вытягивал ее, ждал восстановления, терпел нападки Ньера, недоуменные взгляды со стороны верлианцев на нашей земной базе, твердо решил: теперь следую строго намеченной цели. Нельзя уподобляться землянам, становиться зависимым от иллюзии близости, верить в то, что эфемерно в принципе — в чувства, потребность присутствия Регины рядом... Буду поступать так, как планировал изначально, до того, как мы отправились на Верлинею, где она словно околдовала меня, заставив усомниться в самом себе.

Гнев на Регину сделал свое дело. Она забрала почти все имевшееся в моем распоряжении время, лишив даже теоретической возможности зачатия. Теперь пришел мой черед управлять ситуацией. Изначально был выбран неверный путь. Пытаться понять, искать взаимопонимания, научиться мыслить как они, чтобы в итоге добиться согласия, добровольного желания помочь мне.

Я осознал, побывав в роли земного мужчины, насколько мы недооцениваем человеческое ослепление нелепыми догмами и их стремление к сопротивлению. Я понял, что и Регина никогда не пойдет навстречу моим идеям, ведь для них мы — лишь

безжалостные чуждые захватчики. А после того, что случилось по моей вине с ее другом-землянином, у меня нет шансов разубедить ее. Рисковать, меняя в прошлом что-то еще помимо ее судьбы, я не мог. Поэтому она никогда не узнает, что ее смерть случилась по его вине, но будет помнить о моей роли в его гибели. Вырвав Регину за миг до рокового шага, я невольно спровоцировал его падение.

Взаимопонимание для нас уже невозможно!

Мучимый сомнениями, я совершенно запутался в собственных намерениях. Желание мое не пропало, цель была прежней, но я не видел способа ее добиться. Сейчас это стало опасным. Ньер буквально изводил меня, неотступно следуя повсюду, призывая одуматься, грозя разоблачить. Его давление создавало дополнительные сложности. Мне и так приходилось скрывать от большинства соплеменников факт возвращения Регины к жизни и ее присутствие на базе. Так еще и Ньер словно задался целью свести на нет все мои усилия. Впрочем, он утверждал, что готов поддержать меня в момент неминуемого разочарования – когда (и в этом он был фанатично уверен!) мне не удастся воплотить в жизнь свой план.

Ситуацию с нашей звездой удалось пока стабилизировать, пусть и немалой для нас ценой. Поэтому, вместо того чтобы отправиться на Верлинею, он решил задержаться на станции Службы времени, фактически поселившись тут. И почти ежедневно уговаривал меня отправиться на нашу планету, чтобы навестить Къело, проходящую трансформацию.

Стоит добавить к этому полное отчуждение Регины, в котором она пребывала с того момента, как очнулась, – и станет понятно, какое напряжение я испытывал. Но я твердо решил для себя: вся «человечность» в наших отношениях останется в прошлом. Я стану для нее тем, кем она воспринимает меня сейчас. Чуждым и безразличным монстром.

У меня остается шанс добиться зачатия. И теперь я намерен действовать жестко, используя все существующие возможности. А дальше? Я не мог дать себе окончательный ответ на этот вопрос, хотя и дал слово вернуть ей свободу. Вот только не в моих силах было выполнить данное обещание. Остается надеяться, что со временем что-то может измениться. В мою пользу.

Ситуацию усугубляла невозможность отныне влиять на память Регины, управлять ее сознанием. Причина опять же в Ньере. Как я сожалел о том, что рассказал ему об активации нхех, о встрече со странной землянкой. Он, будто помешавшись на желании воспрепятствовать мне, вновь и вновь пытался убедить Регину сбежать, вынуждая меня блокировать ее память об этих разговорах и тем самым заставляя ощущать себя неправым.

Желание обзавестись ребенком было сильнее всех сомнительных моральных переживаний. Встреча с Региной подарила мне уникальный шанс, редчайшую возможность обрести смысл в жизни. После общения с ее друзьями это желание только усилилось, превратившись в навязчивую идею. Отныне для меня вопрос стоял следующим образом – или вдвоем с ребенком, или никак, я исключил для себя возможность неудачи. Добьюсь того, что мы станем родителями! Поэтому все собственные интересы я подчинил этой цели, рискнув всем. И это также предрешило будущее Регины. О своем отношении к ней я старался не думать, понимая, что, с точки зрения землян, представляюсь ей абсолютным злом.

«Но они так неразумны...» – оправдывал я себя.

Меня не оставляла надежда, что я сумею укрыть ее в прошлом.

Вот и сегодня, после завтрака с уже привычно молчаливой и отчужденной Региной я отправился проверять подготовку к выполнению доверенного мне проекта. Спасение марсиан и возрождение их планеты было основной задачей, порученной мне нашей

цивилизацией. От долга я не мог отмахнуться, осознавая всю его значимость для нашей звездной системы. Приходилось разрываться между работой с генетическим материалом в лаборатории и жестким контролем каждого шага по возрождению Марса (для землян версия звучала как изменение прошлого марсианской цивилизации, им проще поверить в чудо, чем в кропотливый и сознательный процесс созидания). Тут каждая деталь была выверена и многократно просчитана. Все должно было получиться только идеально, иначе был риск утратить и сохранившиеся на сегодняшний день жалкие остатки марсианской культуры.

Пробные переборки органики, способствующей подготовке условий для основного заселения, уже осуществлялись наравне с созданием искусственной атмосферы. Мне приходилось лично воздействовать на землян, выбранных для этой миссии. В их сознание я каждый раз вкладывал четкую программу действий, чтобы избежать любых отклонений от выверенного плана. И так же последовательно блокировал воспоминания об увиденном. Увы, землянами проще управлять, чем пытаться объяснить им масштабность задумки. Но таким образом они тоже вносили свой вклад в спасение нашей общей звездной системы.

Стоило мне расстаться с подавленной и погруженной в себя Региной, которая теперь обитала в самой сокровенной глубине моей личной территории на базе, как я наткнулся на Ньера. Он был раздражен и с ходу потребовал:

– Избавь себя от проблем!

Подобные заявления в последние дни стали такими привычными! Но космическая база Службы времени принадлежит мне, и у него, к счастью, нет возможности добраться до Регины.

– Ты продолжаешь упорствовать в своих заблуждениях, в то время как должен полностью сосредоточиться на реализации своей гениальной задумки. И вновь вспомнить о своей месте!

– Ты сам заблуждаешься, – обходя Ньера, отмахнулся я. Больше повлиять на Регину он не сможет.

И, не сбавляя темпа, отправился в свой рабочий кабинет. Сегодня предстояло изучить воспоминания вчерашнего «перемещения» сотрудницы из отдела Кузьмина, проанализировать данные и, возможно, скорректировать последовательность дальнейших задач для нее.

Ньер не отставал ни на шаг, следуя сзади.

– Я уверен в своих словах. И требую от тебя объяснить, зачем ты ее спас, с какой целью скрываешь здесь. Я хочу верить, что это не последствия твоей одержимости мыслью о потомке. Это негуманно по отношению к девушке. Ты не воспользовался идеальной возможностью с наименьшими потерями покончить со всей этой несуразностью. Регины не должно существовать в твоей жизни, она, по сути, изначальная ошибка природы!

Внутри все задрожало от ярости. И только потрясение от открывшейся мне внезапно глубины эмоций удержало меня от того, чтобы не накинуться на Ньеро.

Что со мной творится? Мы оба прошли трансформацию, нас так мало... Слишком мало, чтобы калечить друг друга!

Но моя выдержка под стрессом последних дней основательно просела. Приходилось постоянно контролировать себя рядом с Региной (слишком хотелось махнуть на все рукой и вернуться к нашим первоначальным отношениям... был бы еще способ сделать это!), следить за самой ответственной фазой реализации проекта, сдерживать друга. Сил противостоять напору навалившихся проблем уже не оставалось.

Оставив сентенцию Ньера без ответа, я продолжал идти дальше по коридору. Он следовал за мной. Ощущение какой-то безумной круговерти не покидало. И это в моей-то, казалось бы, просчитанной до мелочей жизни! Было роковой ошибкой лететь с Региной на Землю. И как я мог не учесть вариант с человеческим обликом? Вот она – идеальная маска для людей. Я пытался настроиться на одну волну с ее сознанием, а надо было всего лишь видоизменить внешность!

Но шанс упущен, у меня нет возможности заблокировать последние воспоминания Регины и начать все сначала.

Уговаривал себя запастись терпением. У меня было предчувствие: в реализации своих планов я на пороге прорыва. Мои эксперименты должны увенчаться успехом, подарив мне вожделенный «приз» и утешив за все потери.

– Орино! – Ньер, так и не дождавшись ответа, вновь начал свою моральную экзекуцию. – Так не может продолжаться дальше.

Как надоела его упрямая настойчивость! Когда-нибудь моя злость вырвется наружу, и тогда... Не хочу даже думать об этом.

Стараясь своим видом показать Ньеру, что не приемлю его точку зрения, игнорируя все обращения, я провел два часа, анализируя информацию, полученную от сотрудника, который был накануне якобы «перенесен» в четвертый век по земному летоисчислению. На самом деле его элементарно телепортировали за пределы купола, отслеживая все физиологические показатели и регистрируя активность работы мозга – волны самоубийств среди жителей закрытых куполов в результате их грядущего переселения на свободу нам бы не хотелось. А так... Сначала будет информация об успешном запуске проекта «Марс в прошлом». Когда земляне уверятся, что «путешествия во времени» опасности не представляют, и придут к мысли о возвращении в экологически чистое (задолго до бактерии-убийцы!) прошлое Земли, мы и начнем постепенно переселять их.

Уже сейчас идет работа над схемой психологической адаптации землян к новой среде, проводится анализ механизмов управления их дальнейшим существованием – необходимо заставить их думать и развиваться. Для этого им придется заново осваивать свой мир и (мы надеемся, что так и случится) научиться слышать его. Глупо пытаться остановить эволюцию, но можно попробовать направить ее по более безопасному пути и дать землянам второй шанс.

В борьбе за Солнечную систему нам нужны союзники, а не обуза.

Ньер, расположившись в кресле напротив, молча сверлил меня возмущенным взглядом или вновь принимался упрекать, пытаясь образумить. Я изо всех сил старался не обращать на него внимания.

Когда из бурлящего информационного потока, протекающего по поверхности стола, пришло сообщение о проникновении в зону средоточия водной матрицы постороннего объекта, я очень удивился. Попасть внутрь могли только верлианцы, а их бы система идентифицировала. Решил проверить сам.

– Проникновение в особую зону, система не может распознать того, кто приблизился к водной матрице, – поднимаясь с места, пояснил я Ньеру, испытывая облегчение от возможности избежать его общества. – Странно.

Но неожиданно Ньер словно обезумел, фактически вцепившись в меня и удерживая на месте. Я с трудом сумел высвободиться и побежал к нужному сектору, испытывая нарастающее беспокойство. Странное поведение собрата только усилило его.

Конечно, неожиданным визитером мог стать кто-то другой, но нахлынувшее чувство боли и невыносимой утраты открыло правду еще до того, как я сумел оказаться на месте и увидеть все своими глазами. Регина...

Не задумываясь сейчас о том, как она смогла оказаться в лаборатории, с максимальной скоростью устремился на перехват. Но не успел – передо мной сомкнулись переливающиеся разрядами энергии волны, отрезав силуэт Регины, плавно поглощая ее, затягивая внутрь. И я застыл, парализованный ужасом. Если сейчас попытаюсь вмешаться, рискую навредить, сбить настройку, «развоплотить» свою месту в безграничном пространстве времени.

Какое-то время мне сквозь голубоватые воды еще были видны очертания ее тела, а потом пропали и они, размытые очередной волной.

Она ушла. Исчезла. Сбежала от меня, лишив возможности найти. Внутри все перевернулось, накрывая чернотой, отчаянием, диким страхом и болью. Я видел все собственными глазами, но поверить в случившееся и принять его не мог. Время словно остановилось для меня.

– Что ж, – спокойно и нестерпимо буднично прозвучал позади голос Ньера, – это все же случилось. Я уже и не надеялся!

Смысл его слов воспринимался с трудом, но когда я осознал...

– Ты знал. Задерживал меня специально! Вот почему она смогла... оказалась тут... знала, как действовать.

Это были не вопросы. Я не сомневался в своих догадках.

Когда Регина умерла у меня на глазах – страха не было. Мгновенно вспыхнула уверенность, что смогу изменить ее судьбу. Тогда действовал спокойно. Сейчас же в душе поднялся шторм.

«Куда? Куда она направилась?» – единственное, о чем я мог думать.

Тут же с облегчением вспомнил, что теперь настройки переноса конкретные. Значит, известно время и место, в котором Регина окажется. И это место – на Земле! И в наше время. По сути, моя же собственная идея – переместить ее туда, но как страшно оказалось осознавать, что этот план воплотился в реальность!

С лихорадочной поспешностью дернулся к матрице – перемещусь на Землю следом и примусь за поиски. Несомненно, Регина попытается укрыться на планете, не понимая, как это опасно. Землянам совсем незнакомы современные животные и растения. Хотя Регина сталкивалась с чем-то подобным на Верлинее.

– Все правильно! – восторженно выкрикнул в ответ на мои разоблачения Ньер, вставая на пути. – Именно это – лучший способ решения проблемы. Она исчезла. Ты освободился.

Категоричность друга навела на новую мысль – имплант!

Я тут же осознал, что у меня есть верный способ вернуть Регину назад. Да хоть сейчас, и перемещаться следом не надо! Я рванул к центральной спирали потока времени, намереваясь... И резко замер, напуганный внезапной мыслью.

– Ты... ты ведь предусмотрел и это? Что я попытаюсь вытянуть ее обратно?

Мне стоило невероятного усилия произнести вопрос, а представить последствия подобной вероятности было просто страшно.

Медленно обернувшись, я посмотрел на Ньера.

– Да. – Он выглядел очень довольным. – У нее должен быть с собой анемон! Тебе были так неприятны наши разговоры, что ты даже не удосужился заставить ее пересказать их тебе. Это был риск, но я рассчитывал именно на твою слабость.

Ньер с облегчением выдохнул.

– А теперь постарайся понять, насколько для тебя все удачно сложилось.

Договорить он не успел. Ослепленный страшной догадкой, не осознавая своих действий, я рванул к нему, хватая за горло, и заорал – так велик был страх за Регину:

– Настройки переноса! Что ты вложил ей в сознание?! Она же отправится туда, куда настроен переход?

Ответа я боялся, как никогда и ничего раньше, потому что заподозрил худшее.

– Нет! – Ньер обхватил мои ладони своими руками, силясь оторвать их. – Она должна исчезнуть! У нее не может быть шанса выжить, а у тебя – вернуть ее. Поэтому я выбрал какое-то доисторическое время их планеты, когда не существовало их цивилизации в принципе. За сотни тысячелетий до эры развития людей. Она погибнет там сразу. Возможно, ее уже нет.

Мои руки непроизвольно сжались, сдавливая его горло и не позволяя закончить фразу. От привычного спокойствия не осталось и следа, такого страха, как сейчас, я не испытывал никогда в своей жизни.

Горько было осознавать, что сам навлек на себя эти беды. Доверяя. Рассказав Ньеру про Регину, показав ее, обучив друга пользоваться матрицей времени.

Но сейчас я был единственным, кто мог что-то сделать для нее. Разум отказывался признавать бессилие. Водная матрица времени – это мое поприще, мое. И я должен найти способ изменить случившееся.

Рывком подскочил к средоточию временной памяти, к центральной спирали матрицы воды, забыв на время о Ньере (помочь Регине сейчас было важнее!), я тревожно замер. Взгляд скользил по бессчетному множеству капелек влаги, собиравшихся в струйки воды, образующих замысловатые орнаменты и сливающихся в итоге в один сплошной поток. За каждой капелькой – годы, в ней миллионы событий, которые уже случились, случаются или еще только случатся. Страшно было вмешаться в эти узоры памяти, нарушить рисунок мироздания, сбить потоки событий. Все это могло бы привести к хаосу, уничтожить все настоящее.

Когда-то открытие водной матрицы стало основополагающей вехой в истории моей цивилизации. Открыл ее величайший гений моего народа. Он же и самый сумасшедший из моих братьев. Даже спустя века после его смерти мы, его потомки, не смогли до конца осознать глобальный смысл всего, сделанного этим верлианцем. Осознать и принять. Тиравиас – это имя звучало для нас как благословение и как проклятие одновременно. Он открыл места, где волны энергии – пронизывающие Вселенную информационные потоки – пересекаются, образуя крошечный волновой вихрь. Информационное цунами, находясь в эпицентре которого, можно управлять множеством процессов. Тиравиас первым сумел постичь механизм энергетического слияния, позволив своему сознанию погрузиться в море безграничной информации, открыв нашей цивилизации доступ к невероятным возможностям. Он же сумел облечь матрицу в привычную и понятную нам водную форму. И стал первым хранителем, так в далекие времена называли высших верлианцев, способных чувствовать и видеть потоки энергии.

На одном из таких мест – энергетическом перекрестке – и создана база Службы времени. А я – тот, чье сознание способно сливаться с информационными волнами Вселенной, я – хранитель.

В пределах базы запрещено совершать перемещения во времени, находясь фактически в

эпицентре спирали памяти. Поэтому я не мог вернуться даже на четверть часа назад и остановить Регину. Это означало бы разрушение места переплетения энергетических волн, что приведет к катастрофическим последствиям. Значит, я должен исправить все по-другому.

«Ньер не хранитель, он не знает матрицу так, как знаю ее я. Следовательно, шанс все изменить есть, он должен быть!» – убеждал я себя, до боли в висках всматриваясь в узор на нужном мне витке истории.

Замерев над крошечным ручейком последних событий, отметил несколько противоестественный изгиб, который так и просился исправить его. Осторожно, не дыша, прикасаясь подушечками пальцев едва-едва, попытался чуть сгладить вычурный выступ, надеясь, что информационный поток памяти сумеет вернуться в первоначальные границы...

Я не дышал, с замиранием сердца надеясь на успех. Только на этом сейчас сосредоточилось мое сознание, направляя процесс. И... крошечный ручеек поддался, выпрямляясь, возвращаясь в заданный оборот.

Вмешательство Ньера удалось сгладить? Я отчаянно верил в это. Должно помочь. Матрицей времени Регину вытянет в первоначально заданные координаты... со временем.

Весь вопрос теперь в том, сумеет ли она продержаться там, где оказалась, тот промежуток, что потребуется витку истории, чтобы распрямиться. Сколько это продлится? День? Три? Пять? Больше? Как долго будет идти процесс?

Мне было жутко думать об этом. Но оставалось только ждать. А потом искать, надеясь, что она продержится и сумеет вернуться в настоящее Земли. Там уже буду я и уберегу ее от всех хищников и опасностей родного ей мира. При условии, что все получилось как надо.

Вот только...

Прикрыв глаза, полностью отдавшись чувству единения, с головой «нырнул» в безграничное море информации. Позволив сознанию погрузиться в волны энергии, несущие знание, искал один-единственный объект. Регина стала моей целью!

Не-э-эт. Я готов был застонать от разочарования – судьба девушки не поддалась. Дуга событий развернулась не полностью – что-то притянуло ее, остановив движение во времени. Из доисторического прошлого Регину выдернет, только не вернет в современность. Вмешавшись в чужую судьбу однажды, я изменил ее. И сейчас конечной точкой перемещения стало не настоящее Земли.

Двадцать первый век по земному летоисчислению – вот что отпечаталось в моем сознании. Ее выдернет на Землю в этом времени.

Все лучше для Регины, чем ранний палеолит. Я уже мысленно прикинул основные вехи земной истории, пытаюсь осознать, возможно ли выжить там, не ядовит ли воздух. Вообще существует ли он там?

И неожиданно вздрогнул, соотнеся историю ее расы и нашей. Земной палеолит! Когда-то именно в этот период на Землю впервые явились верлианцы. И все мы знаем, к чему это привело...

Не представлял, что смогу испугаться еще больше. Внезапно почувствовал, что внутренности буквально сковывает от ледящего ужаса при мысли о том, что может случиться, если древние верлианцы встретят современную земную женщину! Это хуже, чем системная катастрофа, это коллапс...

– Ты хоть представляешь, что натворил?! – не имея сил выносить это знание в одиночку, осознавая ответственность, рывкнул я на все еще натужно хрипящего на полу Ньера. – Она в том времени, когда состоялось первое посещение нашей расой Земли! Ты понимаешь?!

Ньер затих. Охнув, тяжело приподнялся и сел на влажный пол. Во взгляде, устремленном на меня, отразилась паника.

— Тиравиас одержимый ученый, — осознав масштаб сотворенного, потрясенно пробормотал Ньер. И тут же испуганно вскрикнул: — Но не смей упрекать меня! Ты первый нарушил запрет, когда вернулся в прошлое, чтобы спасти ей жизнь.

Меня же просто безмолвно колотило. И совсем не в нарушении долга хранителя была причина. От одной мысли о том, где сейчас находится Регина, делалось плохо. Эта женщина — мой единственный шанс иметь прямого потомка. А все, что остается мне, — какое-то беспомощное ожидание.

— Я хотел помочь тебе. Верил, что спасаю. Действовал во благо нашей расы. Ведь тебе позволено так много, дано больше остальных. И Къело, твоя места, решилась последовать за тобой, — с отчаянием шептал Ньер.

Меня уже ничто не трогало. Внутри было ощущение абсолютной пустоты, горького одиночества и безнадежности.

— Она не моя места. Къело не имеет для меня значения. Мы с ней все решили давно, еще до того, как она решилась на трансформацию. В любом случае я не желаю видеть ее рядом. Она не нужна мне, — безэмоционально отозвался я, ощущая себя совершенно потерянным. — И я найду и верну Регину, обещаю тебе.

Ньер потрясенно замер, во взгляде проскользнуло понимание, тут же сметенное волной ужаса.

— Я так хотел быть на твоем месте, — признавая свою вину, едва слышно выдавил он. — Всегда.

Мне было безразлично. Отчаянная тоска и чувство вины заглушали все. Оказалось, что расстаться с Региной я вообще не способен.

Часть вторая

Ребенок

Регина

Не представляю, как мое сердце не остановилось в тот момент, когда вода, поглотившая меня в помещении для переноса на станции Службы времени, схлынула. Наверное, именно для этого я пережила столько в своей жизни. Чтобы не сломаться в тот миг, суметь преодолеть ужас неизвестности.

Резко, все еще по инерции ожидая удушающую тяжесть воды, вдохнула. И тут же закашлялась, подавившись глотком воздуха. Это не был сухой искусственный воздух земных куполов, я медленно осознала, что окружающий бесцветный газовый состав перенасыщен влагой. Теплой. Для меня это стало сюрпризом. Поблагодарила судьбу, что побывала на планете Орино. Именно этот опыт, да и жизнь на станции, приспособленной для комфортного существования верлианцев, спасли меня от абсолютного шока и мгновенной смерти от остановки сердца, если бы легкие мои знали только пересушенный воздух моей родины.

Мир вокруг выглядел настоящим, бесконечным, насыщенным сразу всем: сочными красками, нежными ароматами, ярким светом! Глаза округлились до максимума, стремясь целиком охватить открывшуюся картину.

Это невероятное зрелище, просто невысказанное! Для человека, выросшего в системе закрытых городов, представшая перед глазами действительность была чем-то непостижимым уму. Куда меня заслало верлианское устройство?

Это не мог быть период перехода от второго к третьему тысячелетию новой земной эры, куда, как полагала, я попаду. В период моего пребывания на станции в качестве полноправного сотрудника именно в двадцатый – двадцать первый век осуществлялись перемещения для сбора информации о первых спутниках, направленных землянами на Марс. (И Ньер намекал мне на это же время.) Даже моих представлений хватило, чтобы понять полное несоответствие мира вокруг техногенному периоду развития Земли.

Очнувшись от пятиминутного ступора, сделала плавный шаг вперед, одновременно переместив взгляд вниз и осознав, что стою по колено в воде. Оглянувшись, поняла, что вокруг меня какой-то водоем. Спешно выбравшись на сушу, испуганно озираясь и прислушиваясь к непривычно странным звукам, я догадалась себя осмотреть. Туника Орино не погибла во время перемещения (из какого же она материала?), хоть и вымокла полностью. К счастью, температура воздуха была необычайно теплой! Верлианская сумка висела, перекинута через плечо. И схваченный в последний момент тканевый пакет тоже сохранился, судорожно прижатый к телу рукой. В этом смысле потерь я не понесла. Разжав ладонь, всмотрелась в лазоревые камешки, которые принесли мне столько открытий и подтолкнули к самому невероятному поступку в жизни – побегу в прошлое. «Надеюсь, Ньер не соврал, и они сумеют нейтрализовать влияние импланта», – подумала я.

Тяжело опустившись на колени, я уже более осмысленно принялась осматривать окрестности, пытаюсь понять, что вообще теперь делать. Вокруг меня была равнина. Сочная зелено-желтая низкорослая растительность с вкраплениями выступавшей каменной породы. Чуть дальше рос настоящий лес из каких-то высоких растений. Я направилась к нему. Очень мощные растения. Их вершины сливались в яркий темно-зеленый купол. Из моего положения казалось, что этот купол вот-вот прорвет само небо! И все это негромко

шелестело на легком ветерке, чьи теплые потоки ощущала и я.

Куда идти и что делать, было совершенно непонятно. Мне, никогда не бывавшей в условиях дикой природы, место казалось опасным. Как я могла знать, какие угрозы подстерегают меня тут? А ведь они есть наверняка. Но чувство страха тонуло в ощущении восторга – таким притягательным и любопытным воспринимался мной новый-старый мир. Хотелось все долго и упорно трогать, рассматривать. Прийти в себя и осознать реальность произошедшего, необходимость как-то обезопасить себя никак не получалось. Я была как во сне.

Вдруг меня накрыло чувством безысходного одиночества. В окружающем многообразии жизни, во всей ее природной полноте ощущался некий избыток свободного пространства. Я, привыкшая к скученному проживанию людей, почувствовала себя единственным живым существом на Земле. И именно тогда испугалась.

Едва удержалась от порыва отшвырнуть анемон, отчаянно желая попасть обратно – в свое время. Пусть и к Орино, он хотя бы знаком и уже понятен. Даже руководившие мной поначалу злость и решимость пойти на все как-то померкли на фоне осознания моей чужеродности этому месту, неприспособленности к нему. Я попала в естественный мир – сокровенную мечту каждого землянина – и поняла, что неспособна выжить тут. А мы еще мечтали выйти за пределы своих куполов! Слава богу, что нам не давали. И не из-за вируса, живущего там. Мы просто разучились жить в живом мире!

Это знание было настолько сокрушительным, что повергло в растерянность. Что делать дальше? Я совершила ошибку, вероятнее всего, обрекла себя на гибель, но и вернуться не могу. Там я погибну тоже – Орино «позаботится» об этом. Он ясно дал понять, что я нужна лишь на время.

А значит... Решительно шагнув вперед, я отринула страх. Лучше погибнуть в этом месте, в этом мире, в этом времени. Это будет только мой выбор!

Инстинктивно смущало быстро темнеющее небо. И раньше чем я успела понять, к чему бы это, начался дождь! О таком явлении я читала. Но ощутить на собственной коже потоки льющейся сверху воды... Это стало очередным шоковым испытанием. Не помня себя от ужаса (казалось, что сейчас захлебнусь), полуослепленная водой я подбежала к ближайшему укрытию – высокому дереву с мощной кроной.

Что же должно было случиться с нами, землянами, чтобы спустя время вода для нас стала величайшим дефицитом?

Здесь вода была повсюду. Ливень начинал потихоньку стихать, немного проясняя картину мира, когда небо прорезала сверкающая черта. И тут загрохотало! Мне показалось, что само небо лопнуло и стало рушиться. В инстинктивном стремлении спрятаться от этого ужаса я кинулась на влажную землю, укрывая голову руками. У меня тряслись поджилки. Но страшный грохот, ударивший еще несколькими раскатами долгого эха, стих. Я перевела дух – вроде жива. Одно дело читать про грозу и совсем другое – увидеть это зрелище своими глазами.

Как выжить тут?! Я умру от страха, если еще раз услышу это. И я окончательно промокла, как и мешок, который прижимала к себе.

Немного отдышавшись и нервно озираясь по сторонам (сама не знаю, что ожидала увидеть), я доковыляла до опушки леса. Надо обсохнуть и в мешке покопаться. Схватила его в спешке, не разобравшись, что внутри. Обнаженной в незнакомом месте находиться было страшно, поэтому решила остаться в мокрой одежде. Уповала на то, что высохну и так – в

такую-то теплую погоду. Но когда вскрыла мешок, к своей радости обнаружила там непривычного вида эластичные брюки, довольно объемную куртку, маленькую, закрытую на кнопочный замок сумочку, удивительную обувь и крохотный мешочек на длинном шнурке. Мешочек сразу решила приспособить под хранение анемонов – носить их в руке неудобно. А так – затянула мешочек шнурком, да и повесила на шею. Меньше шансов потерять камни.

Переодевшись в сухое, я разложила на веточках влажную одежду и обувь и принялась изучать маленькую сумочку. Открепив кнопки, обнаружила внутри герметичной (к счастью!) вещи несколько карманов, заполненных однотипными небольшими бумажками. Я достаточно знала о прошлом, чтобы сообразить, что это были деньги! Там же нашлась и книжечка размером с ладонь. Все бумажное! Древние документы? Идентификатор личности? Ведь когда-то именно по ним регистрировали каждого человека.

Сняв с плеча верлианскую сумку, взятую в лаборатории Орино, решила, раз уж начала, осматрю и ее. Формой она напоминала чехол от приборов ночного видения – пара спаянных плотных полуцилиндров. Но тут сообразительность подвела однозначно. Как я ни исхитрялась, отомкнуть замки так и не смогла. Какой-то специфичный механизм открывания? Зря брала – использовать не получится. А так хотелось убрать внутрь маленькую сумочку с деньгами и документами.

Закончив осмотр, я осторожно присела на торчащий из земли неподалеку камень – ждать, когда все высохнет, и обдумать дальнейшие планы. Взгляд рассеянно скользил по видневшемуся рядом водоему, по радовавшей взор пестрой растительности до самого горизонта, слух ласкали непривычные звуки окружающей природы – шелест листьев, плеск волн.

Все бы прекрасно, если бы я не ощущала себя тут посторонней и беспомощной, словно младенец. «Надо искать какое-то укрытие и еду, – пыталась я настроить себя на конструктивный лад. – Наши древнейшие предки когда-то жили собирательством. Питались тем, что найдут в естественной природе. Остается надеяться, что и человек из будущего с этим справится».

Отравиться совсем не хотелось, а вот кушать – напротив, очень даже.

Почувствовала усталость. Отступала эйфория последних часов, накрывала депрессия. Прилечь на травку было страшно – мало ли кто тут может водиться? Если есть растения, значит, существуют и животные. А вместе с ними и опасность для меня.

Вдруг я все же в двадцать первом веке? И меня просто закинуло в необитаемую часть мира? Были там такие специальные – естественные – зоны.

Но все мои мысли развеялись в один миг, когда метрах в трех от себя я сначала услышала, а потом и увидела это. Сердце замерло от ужаса! Это было живое существо. Размером с меня, странно дышавшее, полуприсев в трех метрах от меня, оно издавало какие-то гортанные звуки. Явно агрессивные. На морде (или лице? – было трудно определить, настолько все было грязным и покрытым шерстью) отчетливо проступали одни глаза. В них сейчас отражался очевидный плотоядный интерес. Шерсть (или волосы?) выглядела свалявшейся, изобилующей колтунами. А еще оно было голым. Точнее, голой, так как это явно была самка – обвисшая морщинистая кожа землистого цвета на груди не оставляла сомнений.

У меня дыхание оборвалось от жуткого предчувствия – не к добру эта встреча!

Существо настороженно приняло мое, склонившись чуть вперед и опираясь на землю передними конечностями. Оно было голодным и изучало меня на предмет «съедобности».

Я замерла, парализованная страхом. Никогда не оказывалась в такой невероятной ситуации — люди моего времени не привыкли считать себя... едой. Подстегнутая инстинктивным желанием спастись, я вскочила и с диким визгом устремилась обратно в лес. Позади слышались звуки погони.

[Купить полную версию книги](#)